Эрнесто Че Гевара

БОЛИВИЙСКИЙ ДНЕВНИК

Предисловие

Ла-Пас достал из хранилищ Центрального банка последние дневники Че Гевары.

Такими записи Че еще не приходилось видеть. С его подчеркиваниями, обведенными словами, цифрами на полях, картами, нарисованными от руки, его сокращениями, исправлениями и сомнениями.

После открытия желтого конверта с надписью «Государственная тайна», который боливийский Центробанк хранил в бронированных хранилищах с 1986 года, на свет появились две тетради на кольцах (одна красная, вторая зеленая), блокнот для заметок и несколько поблекших черно-белых фото. Наследие повстанца, романтика и астматика, который хотел экспортировать в свои Анды мечту о Revolución, расстрелянный 9 октября 1967 года в затерянном селении Ля Игэра «рейнджерами», прошедшими подготовку в США.

Содержимое конверта, извлеченное из рюкзака Эрнесто Гевары военными, тайно скопированное и направленное на Кубу, загадочным образом исчезло, чтобы потом появиться на лондонском аукционе. 20 лет назад все было возвращено в Ла-Пас, и вот теперь все материалы будут опубликованы в их нынешнем виде: дневники Че в Боливии, отсканированные и воспроизведенные, начиная с 10 октября этого года будут распространяться в тысячах экземпляров. «Впервые публика увидит рукописный текст», — поясняет министр культуры Боливии Пабло Гроу. Новизна заключается в государственной тайне и в сканере. Потому что большая часть дневниковых записей уже известна: они были впервые опубликовано в 1968 году издательством Feltrinelli и выдержали 39 изданий.

Первые записи датированы 7 ноября 1966 года. «Сегодня начинается новая фаза. Мы пришли под покровом ночи. Путешествие было вполне нормальным. После того как мы вошли, определенным образом переодетые, в Кочабабму, Пачуго и я вошли в контакт и в течение двух дней разъезжали на джипе с двумя…»

Последняя запись относится к 7 октября: «Сегодня исполняется 11 месяцев с начала восстания, без осложнений, идиллически: до 12:30, когда старуха, пасшая коз, вошла в ущелье, где мы стояли лагерем, и нам пришлось ее задержать… Мы ушли оттуда в 17:00, когда луна была еще очень маленькой, переход был довольно трудным. В 2 часа мы остановились, чтобы отдохнуть, потому что уже не имело смысла идти дальше. Чино становится настоящим занудой, когда приходится идти ночью…»

Эрнесто Че Гевара писал обо всем: старуха с козами, ущелье, «картофельное поле», «лысая гора». Погода была иногда неблагоприятной: «День начался с дождя, люди стали нервничать, и я первый». Еда была скудной: полента и какие-то «грызуны»: «Многие из нас сожгли за собой корабли и съели за завтраком всю кукурузу». Болезни и препятствия: «17 сентября, стоматологический день: я вырывал зубы у Артуро и Чапако». Он высказывает мнения, порой безжалостные: «Чино (Хуан Пабло Чанг, руководитель перуанской освободительной армии), не умеет передвигаться ночью; у Маркоса отвратительный характер, Пачо иногда бывает наглым».

«Ежедневный и тщательно заполненный журнал: Че был графоманом, — говорит мексиканский писатель Пако Игнасио Таибо, — он постоянно писал и переписывал свои дневники, беспрестанно». А Таибо их читал и перечитывал. Чтобы восстановить биографию Че и чтобы подготовить его жизнеописание к печати. «Вряд ли из новой публикации боливийских дневников получится что-то трансцендентальное, — поясняет он. — Единственными неизданными дневниками остаются записи, сделанные в самые важные годы, когда он был в министерстве промышленности и относящиеся к периоду пребывания в Праге». Это единственные дневники, в которых содержатся какие-то секреты. «Они хранятся у вдовы на Кубе, и только она может решить, стоит ли их публиковать и когда их публиковать».

Почему она не сделала этого до сих пор? «Че писал эти дневники не для того, чтобы их издавали, — продолжает писатель. — Его записи полны оценок и замечаний, порой нелицеприятных. Вне всякого сомнения, они касаются людей, которые еще живы. Тот же Гевара в одном из конголезских дневников написал, что его записи не подлежат публикации. По меньшей мере, не в скором будущем. Но рано или поздно настанет время и для последних неизданных документов».

Сегодня начинается новый этап. Ночью прибыли на ранчо. Поездка прошла в целом хорошо. Мы с Пачунго соответствующим образом изменили свою внешность, приехали в Кочабамбу и встретились там с нужными людьми. Затем за два дня добрались сюда на двух джипах — каждый порознь.

Не доезжая до ранчо, мы остановили машины. Сюда приехала только одна — чтобы не вызывать подозрений у одного из соседних крестьян, который поговаривает о том, что мы наладили здесь производство кокаина. В качестве курьеза отмечу, что неутомимого Тумаини он считает химиком нашей шайки. После второго рейса Биготес, узнав меня, чуть не свалился с машиной в ущелье.

Джип пришлось бросить на самом краю пропасти. Прошли пешком около 20 километров, добираясь до ранчо, где уже находятся три партийных товарища. Прибыли сюда в полночь.

Биготес дал понять, что готов сотрудничать с нами, чтобы ни предприняла партия. Но, кажется, он остается верным Монхе, которого уважает и, судя по всему, даже любит. По его словам, Родольфо придерживается примерно той же позиции, а также Коко, но нужно постараться, чтобы партия решилась включиться в нашу борьбу. Я попросил его, чтобы он ничего не сообщал руководству партии до возвращения Монхе, который сейчас уехал в Болгарию, и чтобы он нам помог. Он согласился выполнить обе просьбы.

Провели день в джунглях, примерно в ста метрах от ранчо, рядом с источником. Страдаем от насекомых, похожих на ягуасас. Они очень досаждают, хотя и не кусаются.

Биготес с помощью Альгараньяса вытащил джип и договорился купить у него кое-какую провизию, в том числе свиней и кур.

Хотел написать подробнее о моих приключениях, но решил отложить это до следующей недели, когда, как мы ожидаем, к нам присоединится вторая группа.

День без происшествий. Разведали с Тумаини течение реки Ньянкауасу (это, скорее, просто ручеек), но не смогли добраться до ее истоков. Она стиснута крутыми берегами. Кажется, здесь редко кто бывает. Если дисциплина будет на высоте, в этом районе можно долго продержаться.

Вечером сильный ливень заставил нас покинуть заросли и перебраться в дом. Я вытащил шесть впившихся в меня гаррапатас.

Пачунго и Помбо вышли на разведку с одним из боливийских товарищей, Серафином. Они прошли дальше, чем мы накануне, и нашли место, где ручей делится на два рукава. Там вполне приличное ущелье. Вернувшись, они занялись своими делами в доме, и их увидел шофер Альгараньяса, который вместе с другими работниками ранчо принес купленные нами продукты. Мы решили перебраться завтра в джунгли, где и создадим постоянный лагерь. Тумаини останется, так как его уже знают. Он будет фигурировать в качестве еще одного работника ранчо.

Все это скоро будет ни к чему. Посмотрим, сможем ли мы забросить сюда хотя бы наших людей. С ними я буду чувствовать себя спокойней.

День в новом лагере — по другую сторону от дома — прошел без происшествий. Там мы и ночевали.

Обилие насекомых здесь невероятное. Спастись от них можно только в гамаке с сеткой (такая сетка есть только у меня).

Тумаини посетил Альгараньяса и кое-что купил у него: кур, гусей. Кажется, подозрения крестьянина несколько улеглись.

День без происшествий. Провели небольшую разведку, чтобы подготовить место для лагеря, когда появятся шестеро из второй группы. Выбрали место метрах в ста от кладбища, на небольшой возвышенности, рядом с расщелиной, в которой можно вырыть пещеры для хранения продуктов и других вещей. Первая из трех групп по два человека, на которые разделен отряд, сейчас должна быть уже на подходе. В конце той недели они должны прибыть на ранчо. Волосы у меня отрастают, хотя они еще и очень редкие, седина становится все более светлой и начинает исчезать; появляется бородка. Через пару месяцев опять стану похож на себя.

Воскресенье. Несколько охотников прошли мимо нашего лагеря. Это батраки Альгараньяса, люди, привычные к горам, молодые и не обремененные семьями. Они идеально подходят для вербовки, так как ненавидят хозяина. Сообщили, что в 8 милях по реке есть дома и что по берегам имеется несколько расщелин с источниками воды. Больше ничего нового.

Прошла неделя с того дня, как мы в лагере. Пачунго немного грустит и, кажется, еще не привык к новой обстановке, но это должно пройти. Сегодня начали рыть пещеру, чтобы хранить в ней все, что может нас выдать. Замаскируем ее ветвями и сделаем все, чтобы вещи в тайнике как можно меньше страдали от сырости. Вырыли колодец на глубину в полтора метра и приступили к рытью бокового тоннеля.

Продолжаем рыть тоннель; утром — Помбо и Пачунго, после обеда — Тумаини и я. В шесть, когда закончили работу, тоннель был прорыт на 2 метра. Собираемся завтра закончить его и спрятать все могущие скомпрометировать нас вещи. Ночью ливень заставил меня покинуть гамак. Он протекает, нейлон слаб. Больше никаких новостей.

Закончили тоннель и замаскировали его. Теперь остается только замаскировать ведущую к нему тропку. Завтра перенесем туда наши вещи, закроем вход ветками и забросаем глиной. Схема тайника под № 1 — в документе I. В остальном все по-старому. С завтрашнего дня есть основания

ждать новостей из Ла-Паса.

Положили в тайник все вещи, которые могли бы выдать тех, кто живет в доме, а также кое-что из консервов. Внешне все выглядит довольно безобидно.

Из Ла-Паса новостей нет. Парни из дома разговаривали с Альгараньясом, у которого купили кое-что. Он вновь предложил свои услуги в производстве кокаина.

Никаких новостей из Ла-Паса, Пачунго и Помбо вновь ходили вдоль ручья. Они не очень уверены, что это лучшее место для лагеря. В понедельник разведаем его с Тумаини. Появился Альгараньяс, который чинит дорогу и для этого берет камень в реке. Он довольно долго занимался этим делом. Кажется, он не подозревает о нашем присутствии здесь. Все идет монотонно; москиты и гаррапатас искусали нас так, что мы покрылись болезненными язвами от их отравленных укусов. По утрам стало холодно.

Никаких новостей из Ла-Паса. Все по-старому; мы никуда не выходили по случаю субботы, так как в этот день здесь бродят охотники.

В полдень прибыли Маркое и Роландо. Теперь нас шестеро. Тут же начались рассказы о поездке. Они запоздали потому, что только неделю назад получили наше указание о выходе. Из всех, кто прибыл через Сан-Паулу, они потратили наименьшее время на дорогу. До следующей недели едва ли следует ожидать прибытия остальных четырех.

С ними прибыл Родольфо, который произвел на меня хорошее впечатление. Кажется, он настроен более решительно, чем Биготес, и готов порвать со всем. Папи, в нарушение полученных им инструкций, сообщил ему о моем присутствии, а также и Коко: судя по всему, проявилась ревность, связанная с вопросом престижа. Написал Маниле и дал ряд рекомендаций (документы I и II), а Папи ответил ему на присланные вопросы. Родольфо вернулся утром.

Первый день с группой в расширенном составе. Довольно долго шел дождь, и пока мы перебрались на новое место, сильно вымокли. Теперь устроились. Палатка сделана из брезента от кузова грузовика и протекает, но все же защищает от дождя. У нас гамаки с нейлоном. Получили кое-какое новое оружие: у Маркоса «гаранд», Роландо получит «М-1» из хранилища. Хорхе остался с нами, но в доме, там он будет руководить работами по хозяйству ранчо. Родольфо я попросил подыскать агронома, которому можно было бы довериться. Постараемся, чтобы все это продолжалось как можно дольше.

Тума, Хорхе и я прошлись по реке (Ньянкауасу), чтобы разведать найденный источник. После вчерашнего дождя реку невозможно было узнать, и нам стоило довольно большого труда добраться до места. Источник — это ниточка воды, выход которой хорошо прикрыт, и, если постараться, его можно использовать для постоянного лагеря. Вернулись после девяти вечера. Здесь все по-прежнему.

Устроили наблюдательный пункт, с которого видны подступы к домику на ранчо. Там мы будем в курсе в случае какой-либо инспекции или нежелательного визита. Так как двое уходят на разведку, остальным придется дежурить по три часа. Помбо и Маркос разведали места для нашего лагеря и дошли до ручья, который до сих пор переполнен

Пачо и Роландо направились разведать ручей; вернутся завтра.

Вечером неожиданно нагрянули двое «загулявших» батраков Альгараньяса. В этом не было ничего странного, но среди нас не было Антонио, который ушел с разведчиками, и Тумы, официально также являющегося работником ранчо. Объяснили: они ушли на охоту. День рождения Алиучи.

С наблюдательного пункта сообщили, что прибыл джип с двумя или тремя пассажирами. Выяснилось, что это служба борьбы с лихорадкой; они взяли анализы крови и тут же уехали. Пачо и Роландо вернулись вечером, очень поздно. Они нашли ручей, обозначенный на карте, и разведали его. Кроме того, они прошли по основному руслу реки, дойдя до заброшенных полей.

Поскольку была суббота, мы никуда не ходили. Попросил Хорхе, чтобы он верхом проехал вдоль реки и посмотрел, куда она ведет; лошади не нашлось, и он пешком пошел к дону Ремберто (20–25 километров), чтобы попросить у него лошадь. Ночью он еще не вернулся. Из Ла-Паса ничего не слышно.

Хорхе все еще нет. Я велел дежурить всю ночь, но в девять прибыл первый джип из Ла-Паса. С Коко приехали Хоакин, Урбано и один боливиец, который решил примкнуть к нам, — Эрнесто, студент медицинского факультета. Затем Коко уехал на машине и привез Рикардо, Браулио и Мигеля, а также еще одного боливийца, Инти, который тоже решил присоединиться к нам. Теперь нас уже двенадцать бойцов и еще Хорхе, выступающий в роли хозяина ранчо. Коко и Родольфо займутся контактами. Рикардо принес с собой новость, которая для нас совсем некстати: Чино объявился в Боливии, он хочет прислать к нам 20 человек и увидеться со мной. В этом есть свои неудобства, так

как мы интернационализируем нашу борьбу вопреки Эстанислао. Договорились, что ему помогут добраться до Санта-Круса, там его встретит Коко и привезет сюда. Коко ушел на рассвете с Рикардо, который на другом джипе отправится в Ла-Пас. Коко должен заехать к Ремберто справиться о Хорхе. Из предварительного разговора с Инти стало ясно, что, по его мнению, Эстанислао против вооруженной борьбы, но сам Инти готов порвать связывающие его путы.

Утром Хорхе еще не появлялся, и Коко тоже не вернулся. Затем они появились вместе, и выяснилось, что Хорхе просто-напросто гостил у Ремберто.

Безответственность какая-то. Вечером я собрал боливийскую группу, чтобы поставить вопрос о просьбе перуанцев разрешить им прислать сюда 20 человек. Все согласились, чтобы те явились, но только после того, как мы приступим к действиям.

Вышли, чтобы составить схему реки и разведать источник, у которого устроим ближний лагерь. В группу вошли Тумаини, Урбано, Инти и я. Источник в порядке, но он скудный. Попытаемся поискать в другом месте, примерно в часе ходьбы отсюда. Тумаини упал и, кажется, повредил колено. Вернулись в лагерь вечером, сделав замеры в реке. Здесь никаких новостей. Коко выехал в Санта-Крус, чтобы дождаться Чино.

Маркое, Пачо, Мигель и Помбо вышли с заданием разведать дальний источник; они пробудут вне лагеря два дня. Шел довольно сильный дождь. В доме все по-прежнему.

Все получилось довольно хорошо; прибыл я без осложнений, половина людей уже на месте. Добрались также без осложнений, хотя немного запоздали. Основные люди Рикардо, несмотря ни на что, готовы примкнуть к нашему движению. Перспективы в этом отдаленном от всех центров районе, где, судя по всему, мы практически сможем оставаться столько времени, сколько сочтем необходимым, представляются хорошими. Наши планы: дождаться прибытия остальных, довести число боливийцев по крайней мере до 20 и приступить к действиям. Остается выяснить реакцию Монхе и как поведут себя люди Гевары.

День прошел без новостей. Вечером прибыли Маркое и его товарищи, которые прошли больше, чем сначала было задумано, пробираясь через джунгли. В два часа ночи мне сообщили, что приехал Коко с одним товарищем: отложил встречу до завтра.

Рано утром появился Чино, очень взбудораженный. Весь день разговаривали. Суть беседы: он направится на Кубу и лично доложит о ситуации, через два месяца к нам смогут присоединиться пять перуанцев, то есть, когда мы начнем действовать; пока к нам примкнут двое, специалист по радиоделу и врач, которые пробудут с нами некоторое время. Попросил оружия, и я решил предоставить ему одну «базуку», несколько «маузеров», гранаты и приобрести для них винтовки «М-1». Решил также помочь ему послать пять перуанцев в качестве связных, чтобы наладить переброску оружия в районе около Пуно на другом берегу Титикака. Рассказал мне о своих приключениях в Перу, в том числе о смелом плане освобождения Каликсто, который кажется мне немного фантастичным. Он считает, что в этой зоне действуют несколько человек, оставшихся в живых после партизанской войны, но точно они не знают, так как не смогли пробраться в эту местность.

Остальное в разговоре не имело особого значения. Распростился он все с тем же энтузиазмом и направился в Ла-Пас: везет с собой наши фотографии. Коко получил указания подготовить контакты с Санчесом (которого я увижу позже) и наладить связь с начальником информационного отдела президента, который предложил сотрудничать с нами. Он шурин Инти. Сеть наша все еще в пеленках.

Без новостей. Из-за субботы разведки не ведем. Трое батраков вышли в Лагунильяс, чтобы сделать там заказы.

Без новостей. Все на местах — воскресенье. Провел беседу о нашей позиции в отношении боливийцев, которые придут к нам, и об отношении к вооруженной борьбе.

Без новостей. Хотели выйти, но кругом — потоп. Была небольшая тревога из-за нескольких выстрелов, сделанных Лоро, который заранее нас не предупредил.

Вышли, чтобы начать рыть вторую пещеру у первого источника. В этой группе Аполинар, Инти, Урбано, Мигель и я. Мигель заменил Туму, который еще не оправился после своего падения. Аполинар поставил вопрос о том, что он примкнет к отряду, но сначала хочет уладить свои личные дела в Ла-Пасе; ему сказано, что да, но придется немного подождать. Около одиннадцати подошли к источнику, незаметно прошлись вокруг и разведали местность, чтобы найти место для пещеры. Но там кругом камень, а ручей, который сейчас высох, дальше течет по очень каменистому руслу. Решили продолжить разведку завтра. Инти и Урбано надумали поохотиться, потому что еда стала очень скудной, а нам нужно продержаться до пятницы.

Мигель и Аполинар нашли подходящее место и занялись тоннелем; инструменты никуда не годятся.

Инти и Урбано вернулись ни с чем, но к вечеру Урбано из своего «М-1» убил индейку. Так как у нас еще оставалась еда, мы приберегли ее на завтра. Сегодня практически исполняется месяц нашего пребывания здесь, но для удобства я буду подводить итоги в конце каждого календарного месяца.

Добрались с Инти до скалы, которая возвышается над источником. Мигель и Урбано продолжали рыть тайник. Во второй половине дня Аполинар сменил Мигеля. Вечером прибыли Маркое, Помбо и Пачо, последний шел далеко позади них и очень устал. Маркос попросил, чтобы Пачо убрали из авангарда, если он не будет держаться лучше. Отметил ход к пещере, которая нарисована на схеме II. Оставил на них выполнение наиболее важных задач, пока они будут находиться там. Мигель будет заниматься этим, а мы вернемся завтра.

Не спеша вернулись утром, добравшись к двенадцати. Пачо получил приказ остаться, когда группа вернется. Пытались установить контакт с лагерем 2, но не удалось. Больше никаких новостей.

День прошел без новостей, если не считать первой выпечки хлеба в доме. Беседовал с Хорхе и Инти по поводу некоторых неотложных дел. Из Ла-Паса никаких новостей.

День прошел без происшествий, но вечером появился Коко с Папи. Они привели с собой Алехандро и Артуро и одного боливийца — Карлоса. Второй джип, как обычно, оставили на дороге. Затем они привезли врача — Моро, Бениньо и еще двух боливийцев; оба они камбы из поместья в Карнави. Ночь прошла в обычных разговорах о поездке и о том, почему нет еще Антонио и Феликса, которые должны бы уже быть здесь. Поговорили с Папи и пришли к выводу, что он должен совершить еще две поездки, чтобы привезти Ренана и Таню. Ликвидировали квартиру в городе и тайники, вручив тысячу долларов Санчесу. У него останется грузовичок, а один джип мы продадим Тане, оставив для себя второй. Остается перевезти еще груз оружия, и я велел ему загрузить весь джип, не настаивая на других вариантах, которые не менее опасны. Чино выехал на Кубу, кажется, очень воодушевленным и хочет примкнуть к нам, когда вернется оттуда. Коко остался здесь, чтобы поехать за продуктами в Камири, а Папи выехал в Ла-Пас. Произошел опасный инцидент: вальеграндиец, охотник, увидел след одного из нас, потом другие наши следы. Возможно он заметил кого-то и нашел перчатку, оброненную Помбо. Это меняет наши планы, нам нужно быть очень осторожными. Вальеграндиец пойдет завтра с Антонио, чтобы показать, где он поставил капканы на антов. Инти выразил мне свои опасения относительно студента Карлоса, который по прибытии сюда сразу же затеял дискуссию по поводу участия кубинцев, а до этого заявил, что не будет бороться, если партия не поддержит борьбу. Родольфо послал его, сказав при этом, что все дело — в неправильном истолковании фактов.

Говорил со своей группой, «прочитав проповедь» о сущности вооруженной борьбы. Особо подчеркнул необходимость единоначалия и дисциплины, предупредил боливийцев об ответственности, которая ложится на них в связи с нарушением партийной дисциплины, поскольку они теперь присоединяются к другой линии. Сообщил о назначениях, которые распределил следующим образом: Хоакин — мой заместитель по военной части, Роландо и Инти — комиссары, Алехандро — начальник штаба, Помбо — обслуживание, Инти — финансы, Ньято — снабжение и вооружение, Моро — медицинская часть (временно).

Роландо и Браулио ушли предупредить группу, чтобы она не двигалась с места, пока вальеграндиец расставляет свои капканы и ходит с Антонио. Ночью они вернулись: капканы не очень далеко. Вальеграндийца напоили, и он ушел ночью, влив в себя целую бутылку сингани. Коко вернулся из Карнави, где купил необходимую провизию, но в Лагунильясе некоторые видели его и удивились количеству закупленных им продуктов.

Позже прибыли Маркос и Помбо. Первый из них поранил руку, когда вырезал себе палку; ему наложили два шва.

Хоакин, Карлос и Врач ушли, чтобы соединиться с Роландо и Браулио. Помбо проводил их, получив приказ сегодня же вернуться. Я велел перекрыть дорогу и подготовить другую, которая, ответвляясь от первой, приводила бы к реке. Это было сделано, и настолько успешно, что Помбо, Мигель и Пачо на обратном пути заблудились и пошли по новой дороге.

Был разговор с Аполинаром, который на несколько дней уйдет к себе домой в Виача. Дали ему денег для семьи и посоветовали накрепко закрыть рот на замок. Коко распростился с нами под вечер, но в три часа ночи прозвучала тревога, так как рядом залаяла собака, послышались крики и свист. Это оказался Коко: он заблудился в джунглях.

День без новостей. Вальеграндиец заходил в дом, осматривал капкан, который он, вопреки тому, что говорил раньше, поставил только вчера. Антонио показали дорогу, проделанную в джунглях, чтобы он увел по ней вальеграндийца и у того не было бы никаких подозрений.

Никаких происшествий. Приготовились выйти (8 человек) и окончательно обосноваться в лагере.

Вышли утром — Помбо, Урбано, Тума, Алехандро, Моро, Артуро, Инти и я, — чтобы остаться на

новом месте; груз у каждого был очень тяжелый. На дорогу потратили три часа.

Роландо остался с нами. Вернулись Хоакин, Браулио, Карлос и Врач. Карлос доказал, что он хорошо ходит и хорошо работает. Моро и Тума обнаружили в реке омут, где водятся довольно крупные рыбы. Они поймали 17 штук, и этого хватит на один ужин; Моро поранил себе руку о багре. Нашли место для второй пещеры, так как первая была уже готова, и устроили до завтра отдых. Моро и Инти решили поймать анту и ушли на ночь в засаду.

Моро и Инти убили только утку. Мы — Тума, Роландо и я — стали рыть вторую пещеру, которая, видимо, будет закончена к завтрашнему дню. Артуро и Помбо искали место для установки рации, а потом расчищали дорогу, которая очень неудобна. Ночью пошел дождь. Он не прекращался до утра.

Днем дождь не прекращался, но мы продолжали рыть пещеру. Осталось немного до глубины в два с половиной метра, которую она должна иметь. Разведали горный склон, чтобы найти место для рации. Оно кажется вполне подходящим, но это будет окончательно ясно после того, как попробуем вести передачу.

День опять был дождливым и не располагал к походам, но около одиннадцати вернулись Браулио и Ньято и сообщили, что реку можно перейти, хотя ее уровень еще довольно высок. Когда мы уходили, встретились с Маркосом и его авангардом, прибывшим нам на смену. Он останется здесь за главного, и я велел ему послать от трех до пяти человек, в зависимости от возможностей. Переход сделали за три часа с небольшим.

Ночью в двенадцать прибыли Рикардо и Коко. Они пришли с Антонио и Рубио (те не смогли достать билетов в четверг), а также с Аполинаром, который присоединился к нам окончательно. Кроме того, прибыл Иван, он будет обсуждать со мной некоторые дела.

Разговаривали почти всю ночь.

Обсудили ряд вопросов и привели все дела в порядок, когда появилась группа из второго лагеря во главе с Александро, который сообщил, что на дороге рядом с лагерем они нашли застреленного козленка с меткой на ноге. Хоакин прошел часом ранее по этой дороге и ничего нам не сказал. Мы решили, что вальеграндиец мог дотащить его туда, по какой-то причине бросил и ушел. Выставили там пост и велели двум бойцам захватить охотника, если он появится. Вскоре сообщили, что животное убито давно, оно уже покрылось червями, а затем Хоакин, возвратясь, сказал, что он уже видел раньше убитого козленка. Коко и Лоро привели вальеграндийца показать ему животное. Тот сказал, что подранил его несколько дней назад. На этом инцидент был исчерпан.

Решили больше не медлить с установлением контактов с человеком из информационного отдела. Коко затянул это дело. Договоримся с Мехиа, чтобы он стал связным между Иваном и человеком из отдела информации. Он будет поддерживать связь с Мехиа, Санчесом, Таней и представителем партии, который еще не назначен. Возможно, им будет кто-нибудь из Вильямонтеса, но это еще не уточнено. Получили телеграмму от Манилы, который сообщает, что Монхе прибудет с юга.

Система связей создана, но она меня не удовлетворяет, так как показывает, что сами же товарищи Монхе ему не доверяют.

В час ночи сообщат из Ла-Паса, встретили ли там Монхе.

Иван мог бы заняться коммерческими делами, но фальшивый паспорт ему мешает. Надо снабдить его более подходящим документом, и он должен для этого написать Маниле, чтобы это дело было решено с друзьями.

Скоро приедет Таня за инструкциями; видимо, я пошлю ее в Буэнос-Айрес.

В конце концов решили, что Рикардо, Иван и Коко вылетят самолетом из Камири, а джип останется здесь. Когда они вернутся, позвонят по телефону в Лагунильяс и сообщат, что они уже там. Хорхе ночью поедет, чтобы узнать новости и встретиться с ними, если будет что-то конкретное. В час ночи по радио не смогли поймать ничего из Ла-Паса. Утром они выехали в Камири.

Лоро не достал мне географических схем, сделанных изыскателями. Поэтому мне не удалось узнать, какая дорога ведет в Яки. Вышли утром и добрались до места без осложнений. Постараемся иметь здесь все к 24-му числу. В этот день мы собираемся устроить праздник.

Встретились с Пачо, Мигелем, Бениньо и Камбой. Они шли пробовать рацию. В пять часов вечера Пачо и Камба вернулись без нее. Оставили в горах — слишком тяжела. Завтра за нею пойдут пять человек. Закончили пещеру для провианта. Завтра начнем рыть другую — для рации.

Начали рыть пещеру для радиста. Сначала все шло очень хорошо, грунт был мягкий. Но скоро наткнулись на каменный пласт, и не в силах были продолжать.

Принесли рацию. Она действительно очень тяжелая. Но не смогли испытать ее, так как нет бензина для движка. Лоро передал, что карты он не пришлет. Их описали ему на словах, и завтра он придет, чтобы сообщить мне все данные.

Вышли с Помбо и Алехандро, чтобы осмотреть левую дорогу. Придется немного ее расчистить, но кажется, что по ней можно передвигаться. Вернулся Хоакин с двумя товарищами и сказал, что Лоро не придет, так как у него убежал поросенок и он пошел его искать.

О поездке человека из Лагунильяса ничего не известно. Вечером притащили поросенка, довольно большого. Но спиртного еще не раздобыли. Лоро не способен достать даже это. Похоже, он очень неорганизован.

Весь день посвятили празднованию Рождества. Некоторым пришлось сделать по два перехода, и вернулись они поздно, но в конце концов все собрались и хорошо провели время. Не обошлось и без острых моментов. Лоро объяснил, что поездка человека из Лагунильяса очень мало дала и ему удалось сделать лишь немногие и не очень точные записи.

Вновь занялись работой. В базовый лагерь никто не ходил. Новому лагерю по предложению боливийского врача дали название М26. Маркос, Бениньо и Камба ушли прокладывать дорогу с правой стороны лагеря, вернулись вечером, сообщив, что после двух часов пути они увидели впереди голую степь. Завтра они дойдут до этого места. Камба вернулся с температурой. Мигель и Пачо проделали слева тропинки, по которым можно пойти прогуляться, и тропку к пещере для рации. Инти, Тума и я продолжали рыть пещеру для рации. Это было очень трудно, так как имеем дело с камнем. Арьергард занялся разбивкой лагеря для себя и поисками места для наблюдательного пункта, с которого можно просматривать оба берега реки. Место они выбрали очень хорошее.

Инти и Карлос ушли на разведку населенного пункта, который на карте значится как Яки. Их поход рассчитан на двое суток. Роландо, Алехандро и Помбо продолжали рыть пещеру. Это невероятно тяжелая работа. Пачо и я осматривали тропинки, проделанные Мигелем. Левую не стоит продолжать. Тропка к пещере вполне хороша и трудно различима. Убили двух змей, а вчера еще одну. Кажется, их тут немало. Тума, Артуро, Рубио и Антонио ушли на охоту, а Браулио и Ньято оставались в лагере на посту. Потом они пришли и сообщили, что Лоро перевернулся на машине и что Монхе должен вот-вот прибыть. Маркос, Мигель и Бениньо ушли прокладывать новые тропки, но ночью так и не вернулись.

С Тумой ушли на поиски Маркоса. Шли два с половиной часа и дошли до источника — он выходит с левой стороны, в западном направлении. Пошли по следам, спускаясь по большим камням. Я думал дойти таким путем до лагеря, но время шло, и мы не выходили к нему. В пять часов вечера вышли к Ньянкауасу, в пяти километрах от лагеря 1 и в семи километрах от нашего лагеря. Там мы узнали, что Маркос прошел здесь ночью. Никого не стал посылать с предупреждением о том, где нахожусь, — подумал, что Маркос объяснит им, по какой дороге я прошел. Видели джип, он в очень плохом состоянии. Лоро ушел в Камири за запасными частями. Ньято говорит, что Лоро свалился, заснув за рулем.

Когда выходили из лагеря, встретились с Урбано и Антонио, которые шли нам навстречу, разыскивая меня. Маркос пошел с Мигелем пробивать тропинку и еще не вернулся. Бениньо и Помбо пошли искать меня по дороге, которой мы шли вчера. В лагере встретил Маркоса и Мигеля, которые переночевали среди камней, так как не успели вернуться до темноты. Они были возмущены тем, как обо мне тут говорили в мое отсутствие. Судя по всему, они имели в виду Хоакина, Алехандро и Врача. Инти и Карлос вернулись, не обнаружив ни одного жилого дома. Они встретили только одно покинутое здание. Но оно, судя по всему, не является населенным пунктом, обозначенным на карте как Яки.

Ходили с Маркосом, Мигелем и Алехандро на голый склон, чтобы лучше рассмотреть окрестности. Кажется, здесь начинается Пампа-дель-Тигре — горная цепь с голыми вершинами одинаковой высоты примерно 1500 метров над уровнем моря. Ручей слева нам не подходит, потому что образует дугу в сторону Ньянкауасу. Потом спустились. Добрались до лагеря за час двадцать минут. Послали 8 человек за провизией, но они не смогут перенести сразу все грузы. Рубио и Врач заменили Браулио и Ньято. Последний, перед тем как вернуться, проложил еще одну тропку: она выходит из реки по камням и входит в горы с другой стороны тоже по камням. Таким образом следов не остается. В пещере не работали. Лоро отправился в Камири.

Несмотря на проливной дождь, из-за которого вздулась река, четыре человека пошли в лагерь I, чтобы взять остальные вещи. Теперь там ничего нет. Никаких новостей из города. Шесть человек занялись пещерой и, сделав два перехода, спрятали там все, что нужно. Печь не закончили, так как глина еще мягкая.

В 7.30 прибыл Врач и сказал, что Монхе уже появился. Я пошел к нему с Инти, Тумой, Урбано и Артуро. Встреча была сердечной, но натянутой, в воздухе как бы висел вопрос: с чем пришел? Его

сопровождали Пан Дивино, новый наш рекрут, Таня, которая прибыла за инструкциями, и Рикардо, который останется здесь.

Беседа с Монхе началась с общих слов, но затем перешла к сути дела, которое можно свести к трем основным пунктам:

1. Он откажется от руководства партией, но добьется от нее по меньшей мере нейтралитета и возможности черпать из нее кадры для борьбы.

2. Военно-политическое руководство борьбой будет принадлежать ему, пока революция будет разворачиваться в боливийских условиях.

3. Он будет отвечать за отношения с другими южноамериканскими партиями, стараясь убедить их встать на позиции поддержки освободительных движений (он привел в качестве примера Дугласа Браво).

Я ответил ему, что изложенное в первом пункте касается только его как секретаря партии, хотя я и считаю совершенно ошибочной его позицию. Она колеблющаяся и приспособленческая и оправдывает перед историей тех, кого надо заклеймить за предательское поведение. Время покажет, что я прав.

Не возражал я и против третьего пункта — против того, чтобы он пытался привести его в исполнение, хотя его старания обречены на неудачу. Просить Кодовилью, чтобы тот поддержал Дугласа Браво все равно, что попросить его возглавить свою собственную партию, взявшуюся за оружие. И в этом вопросе тоже время покажет, кто прав.

Что касается второго пункта, то я не мог никоим образом согласиться с ним. Военным руководителем буду я, и я не потерплю никакой двусмысленности в этом. На этом обсуждение зашло в тупик и стало вращаться в порочном кругу.

Мы договорились, что он подумает и поговорит с боливийскими товарищами. Мы перебрались в новый лагерь, и там он поговорил со всеми, поставив перед ними альтернативу: остаться с нами или поддержать партию. Все решили остаться, и, кажется, это его поразило.

В полдень мы подняли тост. Он подчеркнул историческое значение этого дня. Я ответил, оттолкнувшись от его же слов и подчеркнув, что вновь наступает момент, напоминающий тот, когда Мурильо призвал к континентальной революции, и что наши жизни — ничто, если речь идет о революции.

Фидель прислал мне послания, которые прилагаю.

Анализ месяца

Группа кубинцев уже полностью на месте. Боевой дух ее высок, мешают только незначительные трения. Боливийцы тоже на уровне, хотя их мало. Позиция Монхе может затормозить развитие движения, с одной стороны, но и помочь нам, с другой, так как освобождает меня от политических обязательств. Теперь надо ожидать прибытия пополнения боливийцев, поговорить с Геварой и аргентинцами Маурисио и Хосами (Масетти и отколовшейся партией).

Утром, не вступая в спор со мной, Монхе сообщил, что уезжает и объявит о своем выходе из руководства партии 8 января. Он сказал, что его миссия закончилась. Ушел он с таким видом, будто идет на эшафот. У меня такое ощущение, что, узнав от Коко о моей решимости не уступать в стратегических вопросах, он воспользовался этим для ускорения разрыва, так как его доводы несостоятельны.

После обеда я собрал всех и объяснил поведение Монхе, заявив, что мы будем действовать в единстве со всеми, кто хочет делать революцию. Я предсказал трудные моменты и дни, наполненные моральной горечью для боливийцев; их проблемы мы будем стараться разрешать путем коллективного обсуждения или через комиссаров.

Уточнил поездку Тани в Аргентину, где она должна встретиться с Маурисио и Хосами и пригласить их сюда. Уточнили задачи Санчеса и решили оставить пока в Ла-Пасе Родольфо, Лойолу, Умберто. В Камири останется сестра Лойолы, а в Санта-Крусе — Кальвимонте. Мито поедет в район Сукре и посмотрит, где он сможет там обосноваться. Лойола будет ответственной за контроль над финансами, и мы вышлем ей 80 тысяч. 20 тысяч предназначены для Кальвимонте на покупку грузовика. Санчес войдет в контакт с Геварой и встретится с ним. Коко пойдет в Санта-Клару, чтобы встретиться с одним из братьев Карлоса и поручить ему встретить трех человек, которые должны прибыть из Гаваны. Написал Фиделю послание, которое значится под документом ЦЗО-2.

Все утро занимались шифровкой послания. Санчес, Коко и Таня ушли под вечер, когда речь Фиделя Кастро подходила к концу [2 января отмечается юбилей кубинской революции]. В своей речи он упомянул о нас в косвенной форме и говорил так, что это нас обязывает к еще более высоким свершениям. Если только они возможны.

Бойцы из лагеря рыли землянку. Остальные ушли за вещами в первый лагерь. Маркос, Мигель и Бениньо ушли на разведку в северном направлении. Инти и Карлос вели разведку в Ньянкауасу и видели людей, видимо пришедших из Яки. Хоакин и Врач должны разведать реку Яки до ее истоков или дойти до того места, где они встретят людей. Всем им дано не больше пяти дней сроку для выполнения задания.

Товарищи из лагеря сообщили, что Лоро, проводив Монхе, еще не вернулся.

Работали в пещере, пытаясь перекрыть потолок, но не закончили работу. Постараемся сделать это завтра. За грузами ушли только двое. Они сообщили, что все люди из ранчо ушли вчера ночью. Остальные товарищи занимались устройством потолка на кухне. Это дело уже закончено.

Утром Маркос, Хоакин, Алехандро, Инти и я поднялись на безлесный холм. Там я принял следующее решение: Маркос с Камбой и Пачо попытаются справа дойти до Ньянкауасу, если только не столкнутся с людьми; Мигель с Браулио и Анисето будут искать проход через холм, чтобы пробить дорогу к центральному шоссе; Хоакин, Бениньо и Инти займутся впоследствии поиском выхода к реке Фриас, которая, если верить карте, течет параллельно Ньянкауасу — по другую сторону холма, где начинается Пампа-дель-Тигре.

Вечером прибыл Лоро с двумя купленными им мулами, за которых он уплатил две тысячи песо. Это хорошая покупка — животные послушны и крепкие. Велел вызвать Браулио и Пачо, чтобы Пачо завтра мог выйти на выполнение задания. Их подменят Карлос и Врач.

После занятий прочитал небольшую лекцию об особенностях партизанской войны и необходимости лучшей дисциплины. Я объяснил, что главная наша задача теперь состоит в том, чтобы создать ядро примерных бойцов, которое было бы крепко, как сталь. Особенно я настаивал на необходимости учебы, без чего в будущем мы будем бессильны. Затем я собрал ответственных у Хоакина, Маркоса, Алехандро, Инти, Роландо, Иомбо, Врача, Ньято и Рикардо. Объяснил им, что назначил Хоакина своим заместителем вместо Маркоса из-за того, что Маркос допустил некоторые ошибки и продолжает допускать их. Подверг критике Хоакина за его инцидент с Мигелем под Новый год и затем наметил ряд задач, которые необходимо выполнить, чтобы улучшить нашу организацию. Под конец Рикардо рассказал мне о столкновении, которое он имел с Иваном в присутствии Тани. Они дошли до того, что стали всеми возможными и невозможными словами оскорблять друг друга и Рикардо велел Ивану выйти из джипа. Эти неприятные столкновения между товарищами портят всю нашу работу.

Разведка ушла на выполнение задания. Гондолу на этот раз составили только Алехандро и Ньято.

Остальные занялись делами в лагере: перенесли рацию и остальное оборудование Артуро…

Сменили людей на постоянном посту в старом лагере. Рубио и Аполинар сменили Карлоса и Врача. Уровень воды в реке по-прежнему высок, хотя и падает. Лоро ушел в Санта-Крус и еще не вернулся.

С Врачом (Моро), Тумой и Антонио, который должен будет остаться за главного в лагере, мы поднялись на Пампа-дель-Тигре. Там я объяснил Антонио, как он завтра проведет разведку ручья, который, как мы считаем, течет на западе от лагеря…Наши карты из рук вон плохи, потому что на них обе реки разделены горным массивом и раздельно впадают в Рио-Гранде. Маркос еще не вернулся.

Получили послание из Гаваны, в котором сообщают, что Чино выедет 12-го числа. С ним отправятся Врач и специалист по радио. Реа выедет 1-го числа. О двух наших товарищах, на которых мы рассчитывали, в послании ничего не говорится.

Антонио вышел на разведку ближнего ручья с Карлосом и Артуро. Вернулся он поздно вечером… Алехандро и Помбо занялись составлением карт в землянке Артуро и сообщили, что книги мои промокли. Некоторые из них полностью испорчены. Рации тоже все мокрые и покрыты ржавчиной. Если добавить, что оба аппарата испорчены, можно составить довольно печальную картину о способностях Артуро.

Ночью вернулся Маркос. Он вышел к Ньнкауасу намного дальше намеченного пункта и не добрался до впадения в нее другой реки, которая, как мы полагаем, и есть Фриас. Я не очень уверен в наших картах и в том, что мы точно знаем, что это за вторая река.

Под руководством Анисето и Педро начали изучать кечуа. День боро. Извлекли из-под кожи у Маркоса, Карлоса, Помбо, Антонио, Моро и Хоакина массу личинок.

Гондола отправилась за остатками запасов. Лоро еще не вернулся. Устроили небольшие учения, поднимаясь по склонам нашего холма. Выяснилось, что подъем по краям занимает два часа, а по центру — только семь минут. В этом месте надо будет укрепить оборону. Хоакин сказал мне, что Маркос очень недоволен критикой его ошибок, которой я занялся на другой день на собрании. Надо с ним поговорить.

Поговорил с Маркосом. Он жалуется на то, что я критиковал его перед боливийцами. Аргументы его не имеют почвы. Все это чепуха. Но на его эмоциональное состояние нужно обратить внимание.

Он упомянул о каких-то пренебрежительных фразах Алехандро, отпущенных в его адрес. Поговорили об этом и с Алехандро. Судя по всему, ничего обидного он не говорил, но кто-то занимается сплетнями. Маркос немного успокоился…

Вернулись Рубио и Аполинар, в старый лагерь ушли Браулио и Педро. О Лоро ничего не слышно.

Маркос со своим авангардом, исключая только Бениньо, ушел вниз по реке, чтобы построить хижину. Он должен был вернуться ночью, но вновь появился в лагере в полдень, не выполнив работы, так как начался дождь… От Лоро ничего не слышно.

Оставался в лагере, составляя инструкции для наших людей в городе. Работали только полдня, так как сегодня воскресенье…

Продолжали рыть окопы, но еще не закончили их. Маркос почти выполнил задание, построив вполне сносный домик. Врач и Карлос сменили Браулио и Педро. Эти двое сообщили, что появлялся Лоро с мулами. Но мы его так и не дождались, хотя навстречу ему ходил Анисето. Кажется, Алехандро заболел малярией.

Никаких передвижений за день. Закончили окопы первой линии и хижину с земляным полом.

Появился Лоро с отчетом о своей поездке. Когда я спросил его, зачем он уезжал, он ответил, что считал, будто об этой поездке не надо было договариваться. Потом он признался, что он был у женщины, которая у него есть в поселке. Он принес с собой седло для мула, но не смог заставить животное перейти реку.

От Коко никаких новостей. Это начинает тревожить меня.

Утром был сильный туман. Поэтому я отложил проверку окопов. В гондоле отправились Урбано, Ньято, Врач (Моро), Инти, Анисето, Браулио. Алехандро не работал — он заболел.

Вскоре начался ливень. Под проливным дождем пришел Лоро, который сообщил, что Альгараньяс говорил с Антонио, дал ему понять, что он много знает. Он предложил войти в пай с нашими людьми на ранчо и заниматься с ними производством кокаина или же чем-то еще, чем они заняты. Это «чем-то еще» показывает, что этот тип что-то подозревает. Я велел Лоро завербовать

Альгараньяса, но не обещать ему особенно много — только плату за перевозку грузов на его джипе. Велел я также пригрозить ему смертью, если он нас предаст. Так как дождь лил все сильнее, Лоро тут же ушел — боялся, что река может вздуться и ее невозможно будет перейти…

Участники гондолы к восьми часам не вернулись. Поэтому решено было съесть их долю еды: ее буквально расхватали. А через несколько минут появились наши гондольеры Браулио и Ньято. Они сообщили, что река начала выходить из берегов как раз в тот момент, когда они переходили ее. Они решили перейти ее до конца. Инти упал в воду, потеряв винтовку и получив ушибы. Остальные собрались провести ночь на том берегу, что для них будет совсем не сладко.

День начался с обычных дел. Рыли окопы и приводили в порядок лагерь. У Мигеля объявилась высокая температура и все признаки малярии. Я тоже весь день чувствовал себя так, как будто вот-вот заболею, но вроде все обошлось.

В восемь часов утра появились остальные гондольеры, которые принесли с собой порядочный запас чоклос. Они провели ночь на корточках около костра. Подождем, когда река спадет, и будем искать винтовку.

Около четырех вечера, когда Рубио и Педро ушли, чтобы сменить двоих часовых в другом лагере, появился Врач, который сообщил, что в лагерь заявилась полиция. В поисках «завода» наркотиков туда на джипе приехал лейтенант Фернандес и четверо полицейских, одетых в гражданское платье. Они обыскали дом, и их внимание привлекли некоторые странные для них вещи: например горючее для наших ламп, которое мы не успели отнести в тайники. У Лоро забрали пистолет, но оставили ему «маузер» и 22-миллиметровый пистолет. Для виду они до этого отняли пистолет у Альгараньяса и показали его Лоро. После этого полицейские уехали, предварительно предупредив, что они в курсе всех дел и с ними надо посчитаться. Лоро сказано, что он может потом забрать свой пистолет в Камири. «Но без шума, разговаривать только со мной», — сказал лейтенант Фернандес. Он поинтересовался, куда делся «бразилец». Лоро велено припугнуть вальеграндийца и Альгараньяса, которые, судя по всему, шпионят за нами и донесли полиции. Лоро должен сходить в Камири под предлогом, что ему нужен пистолет. На самом деле ему ведено разыскать Коко (я сомневаюсь, что он еще на свободе). Нам нужно продержаться в джунглях как можно дольше.

Проверил систему обороны лагеря и отдал распоряжение о плане обороны, который разъяснил вечером…

Мы хотели провести несколько репетиций, но это не удалось, так как старый лагерь находится под возрастающей угрозой. Там появился какой-то гринго с автоматической винтовкой «М-2», из которой он то и дело стреляет очередями. Он — якобы «друг» Альгараньяса и собирается провести в этих краях десять дней отпуска. Пошлю разведку и выберем место для лагеря поближе к дому Альгараньяса. Если все пойдет прахом и нам придется покинуть эту зону, этот тип поплатится за все. У Мигеля по-прежнему высокая температура.

Устроили репетицию «нападения» на лагерь. По многим статьям она оказалась неудачной, но в целом получилась вполне сносной. Наиболее слабое место — отход наших сил… Пачо поднялся на безлесную вершину, чтобы опробовать рацию, а Маркос с Анисето отправились разведать дорогу и место, откуда мы могли бы постоянно следить за Альгараньясом…

В самый разгар дождя прибыл Педро с Коко и тремя новыми новобранцами: Бенхамином, Эусебио и Вальтером. Первый из них прибыл с Кубы и я назначил его в авангард, так как он знаком с оружием. Остальные будут в арьергарде. Монхе имел беседу с тремя боливийцами, вернувшимися с Кубы, и отговорил их присоединиться к партизанам. Он не только не отказался от руководства партией, но и направил Фиделю документ, который прилагаю (Д. V). Получил записку от Тани, она сообщает о своем отъезде и о болезни Ивана. Есть также записка и от Ивана, прилагаю (Д. V). Вечером собрал всю группу и зачитал им документ, подчеркнув неточности, содержащиеся в пунктах а) и б), и дополнительно добавил кое-что крепкое от себя. Кажется, они реагировали так, как я ожидал. Из трех новичков двое выглядят крепкими и убежденными, а самый молодой — это крестьянин-аймара — который производит впечатление очень здорового человека.

Вышла гондола, составленная из тринадцати человек, а также Браулио и Вальтер, которые должны сменить Педро и Рубио. Гондольеры вернулись вечером, не сумев перенести весь груз…

Распределил обязанности по лагерю и послал некоторых на разведку. Инти, Роландо и Артуро пошли искать тайник на случай, если Врачу придется прятаться с каким-нибудь раненым. Маркос, Урбано и я пошли на разведку на противоположный склон и подыскали там место, с которого виден дом Альгараньяса. Место удачное, видно хорошо. У Карлоса по-прежнему температура. Типичная малярия.

На этот раз в гондоле было семь человек. Они быстро вернулись и перенесли весь груз, а также принесли маис. На этот раз в реке искупался Хоакин, потерял свой «гаранд». Но затем он вытащил его из воды. Лоро уже вернулся и опять где-то прячется. Коко и Антонио все еще в городе, они

должны вернуться завтра или послезавтра с Геварой…

Вышли с Мигелем на разведку дороги, выходящей в тыл к нападающим. Шли почти целый час. Но место хорошее.

Анисето и Бенхамин ушли испытывать рацию на склоне, с которого виден дом Альгараньяса, но потерялись и не смогли выйти на связь. Придется повторить сеанс. Начали рыть другую землянку для хранения личных вещей. Вернулся Лоро, которого я зачислил в авангард. Он разговаривал с Альгараньясом и сказал ему то, что я велел. Тот признал, что посылал вальеграндийца шпионить, но отрицал, что сделал донос в полицию. Коко вспугнул около ранчо вальеграндийца, которого Альгараньяс опять послал шпионить. Принято послание от Манилы, который сообщает, что от нас все получили и что к ним скоро прибудет Колье, которого уже ждет Симон Рейес. Фидель предупреждает, что он выслушает их, но «даст им прикурить».

Только мы начали рыть новую землянку, как сообщили, что прибыли Гевара и Лойола. Мы пошли к домику промежуточного лагеря, куда они пришли в двенадцать часов.

Я поставил перед Геварой свои условия: роспуск группы, отмена всех прежних чинов и званий, временный отказ от какой-либо политической организации, запрет на полемику по поводу международных или внутренних проблем. Он очень просто согласился со всеми этими условиями, и после холодного начала отношения с боливийцами сделались сердечными.

Лойола произвела на меня очень хорошее впечатление. Она очень молода и женственна, но в ней чувствуется твердая решимость. Ее вот-вот исключат из молодежной организации, но пока там хотят, чтобы она сама отказалась от своего поста. Я передал ей инструкцию для городских кадров и еще один документ. Кроме того, компенсировал ее затраты, которые достигают 70 тысяч песо. С деньгами у нас становится туго.

Руководителем сети будет назначен д-р Пареха. Родольфо прибудет сюда и присоединится к нам через пятнадцать дней.

Посылаю Ивану письмо (Д. VI) с инструкциями.

Велел Коко продать джип, но обеспечивать при этом связь с ранчо.

Примерно в семь часов, когда стало темнеть, мы распрощались. Они выедут завтра ночью, и Гевара прибудет с первой группой новобранцев между 4 и 14 февраля — раньше, он сказал, вернуться не сможет, так как добираться сюда трудно и люди отказываются пойти за ним, пока не закончится карнавал. Нам обещали прислать более мощные рации.

Послал внушительную гондолу, которая перенесла почти все грузы за исключением небольшого количества, которое остается на ночь. Судя по всему, Коко и другие ушли. Те останутся в Камири, а Коко поедет в Санта-Крус, чтобы уладить дело с продажей джипа, и постарается сделать это после 15-го числа…

Приготовления к походу подходят к концу. Ориентировочно договорились начать этот рейд как только вернется Коко.

Гондола очищает старый лагерь. Сообщили, что застали там вальеграндийца, когда тот рыскал по зарослям маиса, но он убежал. Все говорит о том, что наступает момент что-то решать с ранчо.

Полностью подготовили все необходимое для десяти дней марша и уточнили дату выхода: два или три дня спустя после того, как 2 февраля вернется Коко.

День полного безделья для всех, кроме поваров, охотников и часовых.

Во второй половине дня прибыл Коко. Он ездил не в Санта-Крус, а в Камири. Там расстался с Лойолой, которая должна была самолетом лететь в Ла-Пас, и с Мойсесом, уехавшим в Сукре. Договорились встретиться в воскресенье. Решили выйти в поход 1 февраля.

В гондоле было двенадцать человек, и они перенесли большую часть продуктов. Остается еще груз на пять человек. Охота ничего не дала.

Закончили землянку для личных вещей. Она получилась неудачной.

Последний день в лагере. Гондола очистила старый лагерь, и часовые покинули его. Останутся Антонио, Ньято, Камба и Артуро. Им даны следующие инструкции: встречаться друг с другом не чаще чем каждые три дня; пока они будут вчетвером, двое должны быть вооружены; дежурство на посту не должно прекращаться ни на минуту; новобранцев следует информировать о деле лишь в общих чертах, сообщая им только самое необходимое; все личные вещи должны быть убраны из лагеря, а оружие следует запрятать в горах, обернув в брезент. Казна должна все время оставаться

в лагере, кто-нибудь из оставшихся товарищей будет носить эти деньги при себе. Надо продолжать разведку на уже готовых дорогах и вдоль соседних ручьев. Если придется оставить лагерь, двое спрячутся в землянке Артуро — сам Артуро и Антонио. Ньято и Камба отступят вдоль ручья, и один из них немедленно отправится на место, которое мы выберем завтра, чтобы оставить там для нас предупредительный знак. Если появятся новые люди, надо выставить группу для охраны запасной землянки.

Обратился к своему воинству, дав ему последние указания по поводу марша. Направил Коко последние инструкции (Д. VIII).

Анализ месяца

Как я и ожидал, поведение Монхе было уклончивым вначале и предательским потом.

Партия уже начала борьбу против нас, и трудно предсказать, насколько далеко она зайдет. Но это нас не остановит и, может быть, в дальнейшем даже окажется для нас благотворным (я почти уверен в этом). Самые честные и боевые люди будут с нами, хотя им и придется пережить более или менее серьезный внутренний кризис переоценки ценностей.

Гевара пока что показал себя хорошо. Посмотрим, как он и его люди поведут себя в будущем.

Таня уехала, но от аргентинцев ничего не слышно и от нее самой тоже. Теперь начинается партизанский этап в буквальном смысле слова, и мы испытаем бойцов. Время покажет, чего они стоят и каковы перспективы боливийской революции.

Из всего, о чем мы заранее думали, наиболее медленно идет процесс присоединения к нам боливийских бойцов.

Сделали первый переход. Люди немного устали, но в целом показали себя хорошо. Антонио и Ньято пришли к нам чтобы договориться о тайнике для условного знака, и по могли нести мой рюкзак, а также рюкзак Моро, который выздоравливает после малярии.

Договорились оставлять предупреждение об опасности в пустой бутылке под кустом у дороги. В арьергарде Хоакин отказался нести свой груз, и это задержало всю группу.

День был трудный и тянулся очень медленно

Утро было дождливым, и по этой причине выступили только в восемь часов…

Мы шли с утра до четырех часов дня, сделав в полдень двухчасовой привал, во время которого ели суп. Путь наш пролегает вдоль реки Ньянкауасу. Он сравнительно хорош, но убийственен для нашей обуви. Несколько товарищей практически уже босы.

Бойцы устали, но все держались довольно хорошо. Меня освободили от 15 фунтов ноши, и мне идти легче. И все же боль в плечах от рюкзака иногда становится невыносимой…

После того как мы с самого утра шли в течение пяти часов (прошли километров 12–14), из авангарда неожиданно сообщили, что увидели пасущихся домашних животных (это была лошадь и жеребенок). Мы остановились и послали выяснить, нет ли поблизости какого-нибудь жилья или населенного пункта. Спор разгорелся вокруг того, находимся ли мы в Ирипити или же у притока реки Саладильо, обозначенной на карте. Пачо вернулся из разведки и сообщил, что впереди большая река — в несколько раз шире Ньянкауасу — и она преграждает нам путь. Мы добрались до нее и убедились, что это настоящая Рио-Гранде, да к тому же вышедшая из берегов…

День потратили на отдых и восстановление сил… Завтра начнем сооружать плот, чтобы попробовать перебраться на нем через реку.

Под руководством Маркоса соорудили плот. Он получился очень большим и непослушным в управлении. В 1.30 пошли в сторону переправы, и в 2.30 были уже на месте. Авангард перебрался в два приема. На третий раз — половина народа из главной группы и моя одежда. Но рюкзаку моему не повезло: когда началась новая переправа людей нашей группы, Рикардо не рассчитал, рюкзак упал в воду и его унесло течением. Достать его не удалось. Мы разобрали плот, и Хоакин начал строить новый, который был готов к девяти часам вечера. Но ночью переправляться не стали — дождя не было, и уровень воды в реке продолжал падать. Из главной группы на этом берегу остались Тума, Урбано, Инти, Алехандро и я. Тума и я спали на земле.

Превратившись в помощника Инти, я сегодня разговаривал с местными крестьянами. Думаю, что сцена с переодеванием получилась не очень убедительной, так как Инти держался слишком скромно.

Крестьянин был абсолютно типичным: он не способен был понять нас, но в то же время не в силах предвидеть, какую опасность влечет за собой его встреча с нами, и потому сам он был потенциально опасен. Он рассказал нам про нескольких из своих соседей. Но верить ему нельзя, так как говорил он без всякой уверенности. Врач подлечил его детей… (Крестьянина зовут Рохас.)

День рождения старика, 67 лет.

Мы шли по довольно приличной тропе, которая проходит по берегу реки… С сегодняшнего дня нужно быть крайне осторожными. Мы находимся в двух лигах от Ареналеса, если верить словам крестьянина.

Два километра, пройденных вчера авангардом, мы покрыли быстро. Потом пошли очень медленно. В четыре часа вечера вышли на хорошую дорогу — судя по всему ту, которую мы искали. Напротив нас, на том берегу реки, виднелся домик. Мы решили не заходить в него и поискать другой — на этой стороне, — в котором живет некий Монтаньо. О нем хорошо отзывался Рохас. Инти и Лоро нашли этот дом, но там никого не было, хотя по всем признакам они нашли именно то, что искали.

В полвосьмого мы предприняли ночной марш, который показал, как еще много нам придется обучать людей. В десять часов вечера Инти и Лоро опять ходили в дом и принесли неутешительные новости: там был какой-то мужчина, пьяный и очень негостеприимный. У него есть только маис для продажи. Он напился в доме у Кабальеро, который расположен на другой стороне реки, там, где брод. Решили переночевать в леске рядом. Устал я смертельно, так как уминта подействовала на меня плохо, и я весь день не мог есть.

Утром начался сильный дождь. Он длился всю первую половину дня. Уровень воды в реке поднялся. Новости теперь получше: наши разговаривали с Монтаньо-сыном. Ему шестнадцать лет. Он сказал, что отца нет и на этой неделе он не вернется. Паренек дал нам хорошую информацию о районе, лежащем вниз по реке на протяжении одной лиги. По левому берегу ведет тропа, но она очень узкая и уходит недалеко. На этой стороне живет лишь один из братьев Переса, крестьянина-середняка, удочки которого есть жених в армии…

Спокойный день. Провели в том же лагере. Паренек приходил к нам три раза. Он предупредил, что видел людей, которые перебирались с того берега реки на этот в поисках пропавших свиней. Но дальше они не пошли. Мы заплатили ему за попорченный маис.

Мачетерос работали весь день, но не добрались до дома. По их подсчетам, они расчистили около шести километров дороги, что составит половину нашего завтрашнего перехода.

Расшифровано пространное послание из Гаваны, главной новостью в котором является сообщение о том, что там разговаривали с Колье. Он заявил, что его не поставили в известность о континентальных масштабах нашей борьбы. В таком случае, заявил он, помощь будет оказываться только на условиях, которые ему следует оговорить со мной. С этой целью к нам прибудут сам Колье, Симон Родригес и Рамирес. Сообщают также, что Симон выразил решимость помогать нам независимо от того, что решит партия.

Сообщили также, что Француз, который едет со своим паспортом, 23-го числа прибудет в Ла-Пас и остановится в доме Парехи или Реа. Кусок послания еще не расшифрован. Посмотрим, как придется реагировать на это наступление с примирительными целями. Из других новостей: Мерси объявился без денег, сказал, что его обокрали. Подозревают, что он их просто растратил, но, к счастью, не подозревают чего-либо более серьезного. Лечин собирается просить денег и инструкторов для своих людей.

День рождения Хильдиты (11).

Сегодняшний отрезок пути прошел спокойно. К десяти утра дошли до места, куда вчера добрались наши мачетерос. Потом пришлось идти намного медленнее. В пять часов вечера передали, что вышли на обработанные поля, а в шесть часов мы их увидели сами. Послали Инти, Лоро и Анисето, чтобы они поговорили с хозяином. Им оказался крестьянин Мигель Перес, брат Николаев, который живет зажиточно. Но сам Мигель Перес говорит, что он беден, его эксплуатирует брат, и он готов помогать нам. Мы так и не успели поесть, потому что было очень поздно.

Перебрались на новое место, чуть-чуть подальше, чтобы не вызывать лишних подозрений у брата, и разбили лагерь на холме, который стоит у реки и возвышается над ней метров на пять-десять… Вечером неожиданно хлынул сильный дождь. Он без перерыва лил всю ночь, спутав наши планы. Река вышла из берегов. Мы оказались отрезанными. Крестьянину мы дадим взаймы 1000 песо, чтобы он мог купить и выращивать свиней. У него капиталистические устремления.

Дождь продолжался все утро. Он лил без перерыва восемнадцать часов. Все пропитано водой, а река опять вышла из берегов. Послал Маркоса с Мигелем и Браулио разыскивать дорогу на Роситы. Они вернулись после обеда, расчистив четыре километра тропы. Они сообщили, что нам путь преграждает безлесная горная цепь, похожая на ту, что мы назвали Пампа-дель-Тигре. Инти чувствует себя плохо, он переел.

Высота — 720 м над уровнем моря (атмосферные условия ненормальные).

День рождения Хосефины (33).

Частичная неудача. Мы медленно продвигались вслед за мачетерос, но к двум часам они достигли плоскогорья, где не было надобности прорубать тропу… Маркос и Тума ушли на разведку, но вернулись с очень плохими новостями. Впереди отвесные утесы, которые невозможно преодолеть. Другого выхода, кроме отступления, у нас нет.

Высота — 980 м над уровнем моря.

Потерянный день. Спустились с гор, нашли ручей и пытались подняться вверх вдоль русла. Но это оказалось невозможным. Послал Мигеля и Анисето, чтобы они попытались пройти по ребру горы и перебрались на другую сторону. Но из этого тоже ничего не вышло…

Переход совершили очень медленно, и не без неприятностей. Мигель и Браулио вышли по старой дороге в сторону источника, расположенного на плантации маиса. Но они сбились с пути и вышли к ручью только под вечер, когда уже темнело. Когда мы добрались до следующего ручья, я послал Роландо и Помбо разведать путь вдоль него. Они опять наткнулись на отвесные утесы и до трех часов дня не возвращались…

Совершили медленный переход вверх по ручью. Помбо и Роландо вернулись, сообщив, что через другой ручей можно пройти, однако Маркос вновь прошел по их маршруту и сказал, что это невозможно. В одиннадцать часов мы вышли, но в полвторого пришли к ручью с очень холодной водой, который нельзя было перейти вброд. Послали Лоро на разведку. Он очень задержался… Инти чувствует себя плохо. Он опять переел.

Высота — 860 м над уровнем моря.

Весь день затратили на подъем в гору по довольно трудным склонам, густо поросшим зарослями. После утомительного дня разбили лагерь, так и не добравшись до перевала…

Кошмарный день для меня. Дыхания не хватает, очень устал. Утром Маркос, Браулио и Тума вышли расчищать дорогу, а мы решили подождать их в лагере. Тем временем расшифровывали послание, в котором сообщалось о получении моего послания через французский «почтовый ящик». В двенадцать часов, под солнцем, которое, казалось, расплавляло камни, мы тронулись в путь. Скоро мне показалось, что я теряю сознание. Это было, когда мы проходили через перевал. С этого момента я уже шел на одном энтузиазме. Максимальная высота этой зоны — 1420 метров. Оттуда открывается широкий обзор: хорошо виден Рио-Гранде, впадение в него Ньянкауасу, и часть Роситы. Топография не похожа на нанесенную на карте… Лагерь разбили на высоте 900 метров, проделав адский спуск. Пришлось обходиться без воды. Пришли туда под вечер. Слышал, как Маркос матерными словами ругал одного из боливийцев, а на другой день — другого. Надо будет с ним поговорить.

День рождения Эрнестино (4).

День был очень трудным и мало удачным. Мы прошли очень мало. Шли все время без воды, так как ручей пересох…

Адский день. Прошли мы очень мало, и в довершение всех бед Маркос сбился с дороги. Так мы потеряли все утро. Он вышел с Мигелем и Лоро. В двенадцать часов Маркос передал, что заблудился, и попросил прислать ему людей на смену и для связи. Послал ему Браулио, Туму и Пачо. Через два часа вернулся Пачо. Он сказал, что Маркос отослал его. В полпятого послал Бениньо предупредить Маркоса, что, если тот к шести часам не найдет реку, пусть возвращается. После ухода Бениньо меня захотел увидеть Пачо. Он сказал, что у него произошла ссора с Маркосом. Тот в высокомерном тоне отдал ему какое-то распоряжение, пригрозив при этом ему мачете, и ударил его по лицу рукояткой. Когда же Пачо сказал, что дальше с ним не пойдет и повернул назад, Маркос опять пригрозил ему мачете, схватил его и порвал на нем одежду. Дело серьезное. Я вызвал Инти и Роландо, которые подтвердили, что в авангарде Маркоса из-за его характера создалась нездоровая обстановка. Но они сказали, что и Пачо во многом неправ.

Утром объяснялся с Маркосом и Пачо. Из беседы с ними понял, что Маркос действительно оскорблял Пачо и грубо обошелся с ним, может быть, даже угрожал ему мачете, но до ударов дело едва ли дошло. Что касается Пачо, то тот, судя по всему, сказал Маркосу что-то обидное и вообще вел себя вызывающе, что на него непохоже. Но, оказывается, такое с Пачо случается здесь уже не в первый раз. Я собрал всех товарищей и поговорил с ними, объяснив, как важно для нас достичь Роситы, сказав, что все жертвы, которые мы приносим сейчас, это лишь малая часть тех, что нас ожидают в будущем. Я сообщил им о том, как из-за того, что людям сейчас приходится трудно, между ними вспыхивают позорные инциденты, вроде того, что произошло между двумя кубинцами. Я критиковал Маркоса за его действия, а затем сказал Пачо, что, если такие стычки повторятся, он будет с позором изгнан из партизанского отряда. Выяснилось, что Пачо, помимо того, что отказался идти дальше с Маркосом, вернулся и вначале ничего мне не сказал, судя по всему, потом еще и солгал мне по поводу ударов, нанесенных ему Маркосом.

Я попросил боливийцев, что, если кто-нибудь из них почувствует себя неспособным участвовать в борьбе, не ссылаться на неправильные методы, а сказать мне прямо обо всем, и мы отпустим из отряда того, кто захочет.

Затем мы вновь пустились в путь и шли до тех пор, пока не достигли берега Рио-Гранде. Прошли

вдоль берега около километра, но пришлось вернуться назад, так как отвесный утес не позволял нам пройти дальше. Бенхамин отстал. Ему трудно было нести рюкзак, и он очень устал. Когда он догнал нас, я приказал ему идти дальше, и он послушался. Пройдя еще метров пятьдесят, он сбился с тропинки, поднимавшейся вверх по склону, и пошел по большому скользкому камню. Урбано крикнул ему, что он идет не по тропинке. Бенхамин сделал резкое движение и упал в воду. Плавать он не умел. Течение здесь очень сильное, и, пока он стоял на ногах, его тащило на стремнину. Мы побежали вдоль берега, чтобы помочь ему, но, когда стали снимать одежду, он уже исчез под водой. Роландо проплыл в ту сторону, где пропал Бенхамин, стал нырять. Но, видимо, Бенхамина течением уже унесло далеко. Через пять минут мы отказались от дальнейших поисков. Он был слабым и крайне неловким парнем, но у него была большая воля к победе. Испытание оказалось слишком велико для него. Физически он не был подготовлен к нему, и вот теперь мы уже испытали крещение смертью на берегах Рио-Гранде, при чем самым бессмысленным образом. Разбили лагерь в пять часов вечера. Съели последние запасы фасоли.

После утомительного дня, который мы провели, шагая вдоль берега и преодолевая отвесные утесы, вышли к реке Росита. Она побольше, чем Ньянкауасу, но меньше, чем Масикури. Вода в ней красноватого цвета. Съели последний рацион еды, а поблизости нет никаких следов жилья, хотя мы должны, судя по карте, находиться недалеко от населенных пунктов и шоссейных дорог.

Половину дня посвятили отдыху. После завтрака (чай) провел короткую беседу, проанализировав обстоятельства гибели Бенхамина и вспомнив некоторые аналогичные эпизоды из нашей жизни в Сьерра-Маэстре. Затем послал людей на разведку… Маркос занялся сооружением плота, и, как только он был закончен, мы начали переправу в том месте, где Росита сужается. Перевезли рюкзаки пяти человек, но при этом на тот берег попал рюкзак Мигеля, а рюкзак Бениньо остался на этом, в то время как Бениньо перевезли, а Мигеля нет. Когда они переправлялись, плот перевернулся. В довершение всех бед Бениньо оставил на этом берегу свои ботинки.

Плот поймать не удалось. Второй плот до наступления темноты не успели закончить, поэтому оставили переправу на завтра.

Анализ месяца

Хотя я не знаю, как обстоят дела в лагере, все идет более или менее хорошо, с неизбежными в подобных случаях исключениями.

Что касается положения вне партизанского отряда, то двух человек, которых мне должны были прислать для полного укомплектования нашей группы, пока нет и о них ничего не слышно. Француз должен уже быть в Ла-Пасе, и со дня на день он появится в лагере. От аргентинцев и Чино новостей нет. Послания проходят хорошо в обоих направлениях. Позиция партии остается колеблющейся и двойственной, если выражаться мягко. Правда, нам еще предстоит объяснение, когда прибудет новая делегация, и оно может стать окончательным.

Марш проходит вполне прилично, но омрачен инцидентом, стоившим жизни Бенхамину. Народ пока еще слаб, и не все боливийцы выдержат. Последние голодные дни показали ослабление энтузиазма, и даже резкое падение его, что особенно ясно становится сейчас, когда мы разделены на две группы.

Что касается кубинцев, то двое, имеющие мало опыта — Пачо и Рубио, — пока еще не на высоте. Алехандро в полном порядке. Из стариков Маркос постоянно доставляет тяжелые заботы, а Рикардо тоже не безупречен. Остальные хороши.

Следующий этап должен стать боевым и решающим.

В шесть часов утра начался дождь. Отложили переправу на то время, когда он пройдет, но дождь усиливался и продолжался до трех часов дня. К этому моменту уровень воды в реке резко поднялся, и мы сочли неблагоразумным переправляться. Сейчас река очень вздулась и, судя по всему, не скоро спадет. Я перебрался в хижину-времянку, расположенную поблизости, которая брошена, так как ее, видимо, когда-то заливало водой. Там мы разбили лагерь. Хоакин остался на старом месте. Вечером он сообщил мне, что Поло съел свою банку сгущенки из неприкосновенного запаса, а Эусебио — сгущенку и сардины. В виде наказания они не будут прикасаться к этим продуктам, когда их будут есть остальные. Плохой признак.

Утром опять шел дождь, и все были очень раздражены, включая меня самого. Уровень воды в реке поднялся еще выше. Об авангарде ничего не знаем.

Переход начали с подъемом и шли вначале хорошо, но постепенно силы оставляли нас и мы решили спрямить дорогу через горы, чтобы не повторилось то, что произошло с Бенхамином. Мы проходили как раз по тем местам. Потратили более четырех часов на дорогу, которую раньше низом мы проделали меньше чем за полчаса…

Утром Мигель и Урбано ушли прорубать тропу и занимались этим целый день. Вернулись они только к шести часам вечера. Они пробились на пять километров и увидели долину, по которой можно будет пройти…

Моральный дух у людей низок, а физическое состояние их ухудшается со дня на день. У меня на ногах отеки.

Хоакин и Браулио ушли пробивать тропу. В это время пошел дождь. Мачетерос ослабели и не смогли много сделать. Собрали двенадцать корохо и поймали несколько птичек, это позволяет нам еще на день сохранить консервы и сделать запас корохо на два дня.

Шли весь день до пяти часов вечера… У нас теперь только три порции еды, да и то очень скудные.

Вот уже четыре месяца, как мы здесь. Люди все более падают духом, видя, что припасы подходят к концу, а пути конца не видно. Прошли сегодня четыре-пять километров по берегу реки. Наконец вышли на тропу, что вселило в нас надежду. Из еды у нас всего три птички и остатки корохо. С завтрашнего дня начнем есть мясные консервы. По одной банке на каждых троих человек. Этого хватит на два дня. Потом примемся за сгущенку. Это уже будет финальный аккорд. До Ньянкауасу остается, видимо, два или три дня пути. Высота — 610 м над уровнем моря.

Сегодня прошли мало. Было немало переживаний и сюрпризов. В десять часов утра вышли из лагеря, не дожидаясь Роландо, который ушел на охоту. Прошли полтора — два часа, и тут оказалось, что мачетерос — Урбано, Мигель и Тума — и охотники — Врач и Чинчу — запаслись целой кучей попугаев. Но нам было не до провизии, так как они уже вышли к реке и остановились, дожидаясь нас. Мы разбили здесь лагерь. Я пошел к реке и увидел нефтяную вышку, расположенную на том берегу. Инти и Рикардо бросились в воду. Они должны были переплыть реку и появиться около вышки под видом охотников. Они поплыли, не снимая одежды, но плыть было тяжело и Инти начал тонуть. Рикардо вытащил его. Наконец они выползли на тот берег, но все это произошло таким образом, что они привлекли к себе всеобщее внимание. Мы ожидали, что Инти и Рикардо дадут нам знак, есть ли там опасность. Но они исчезли, не подав условленного сигнала.

Переплыли реку они в двенадцать часов. А в 15.15 мы ушли и они еще не появлялись. Весь вечер тоже не давали знать о себе. Мы сняли постовых в девять часов вечера. К этому времени они также не появлялись.

Я очень встревожился. Под угрозой оказались два стоящих товарища, и мы ничего не знали об их судьбе. Приняли решение послать завтра через ручей Алехандро и Роландо — наших лучших пловцов, чтобы они выяснили, что случилось.

Рано утром товарищи стали переправляться. Но на этот раз решили соорудить плот и долго провозились с ним. Потом часовые сообщили, что на другом берегу видны полураздетые люди. В полдевятого утра мы решили отказаться от переправы. Проделали тропинку к берегу, но она выходит на открытое место, и нас могут увидеть. Поэтому решили переправляться рано утром, пока над рекой будет стоять туман. С половины одиннадцатого утра до четырех я не уходил с наблюдательного пункта, с тревогой ожидая наших разведчиков. В четыре они наконец появились, поплыли через реку и вышли на берег много ниже нас. Они принесли с собой свинину, хлеб, рис, сахар, кофе, несколько консервных банок, маис и другие продукты. Мы устроили небольшой пир из хлеба и кофе, разрешили всем съесть сгущенку из неприкосновенного запаса. Она стала очень сладкой. Разведчики сказали, что они приходили на берег каждый час, чтобы мы могли их увидеть, но мы их не замечали. Три дня назад по тому берегу прошел Маркос со своим отрядом, и, кажется, он опять «отличился», так как показывал всем вокруг свое оружие. Инженеры, работающие на станции, сказали, что они не знают, сколько дней пути до Ньянкауасу, но, по их подсчетам, пути должно быть примерно дней пять. В таком случае нам должно хватить провианта. Вышка принадлежит нефтяной компании, которая занята разведкой в этих краях.

Вышли из лагеря в полседьмого утра. За сорок пять минут догнали наших мачетерос. В восемь полил дождь. Он не прекращался до одиннадцати…

День начался хорошими предзнаменованиями. Мы больше часа шли прекрасной тропой. Но затем она оборвалась. Браулио взялся за мачете и бодро работал им, пока не вышел на полянку, расположенную на берегу. Мы поручили ему и Урбано прорубать дорогу дальше. Но когда мы собрались продолжать путь, река резко поднялась и преградила нам дорогу. Это было что-то невероятное — уровень воды в реке сразу поднялся на пару метров.

Мы оказались отрезанными от мачетерос и вынуждены были идти горами. В полвторого мы остановились. Я велел Мигелю и Туме связаться с бойцами авангарда, приказать им возвращаться, если они не достигнут Ньянкауасу или какого-нибудь удобного места…

Среди бойцов арьергарда произошел неприятный инцидент. Причиной его были обвинения в неправильном распределении сахара, которого им не хватает, и некоторые злоупотребления со стороны Браулио. Придется с ним поговорить.

За час и десять минут прошли отрезок пути, подготовленный мачетерос вчера… У нас остается только два рациона. Мигель перебрался на другую сторону горы и, кажется, вышел к Ньянкауасу. Прошли около четырех километров.

С полседьмого утра до двенадцати переползали через адские скалы, следуя по тропе, которую Мигель пробил с поистине циклопическим трудом. Думали, что уже вышли к Ньянкауасу, но попали на очень трудное место и за пять часов прошли мизерную часть пути. Люди очень устали и опять пали духом. Остается только одна порция еды. Прошли около шести километров, но толку от этого мало, так как шли через горы.

Бойцы главной группы, а также Рубио и Врач, которые помогали нам, перебрались через реку. Мы думали выйти к реке Ньянкауасу, но пришлось отказаться от этой мысли, так как трое из нас не умеют плавать и мы тащим на себе большой груз. Течением нас пронесло вниз около километра. Стало темнеть, и мы не успели бы переправиться на плоту, как намеревались. В одиннадцать часов разбили лагерь. Завтра Врач и Рубио вновь переправятся. Подстрелили четырех ястребов. Это и была наша еда — не столь уж плохая, вопреки нашим ожиданиям. Все наши вещи мокрые, а дождь практически не прекращается. Настроение очень плохое. У Мигеля распухли ноги. То же самое и у некоторых других. Высота — 580 м над уровнем моря.

Решили съесть лошадь, так как отеки у товарищей начинают внушать серьезные опасения. Ноги в той или иной степени распухли у Мигеля, Инти, Урбано, Алехандро. Я чувствую себя очень слабым. Мы не рассчитали — думали, что Хоакину удастся переправиться через реку, но ему это не удалось. Врач и Рубио тоже стали переправляться, но их понесло вниз по течению и мы потеряли их из виду. Хоакин опять попросил у меня разрешения на переправу. Я разрешил. Он со своими людьми также исчез из виду. Послал Помбо и Туму разыскать их, но они не нашли их и вернулись под вечер. В пять часов мы устроили настоящую оргию, пожирая конину. Завтра, видимо, надо ожидать последствий. По моим расчетам Роландо сегодня должен прибыть в лагерь.

Полностью расшифровано послание № 32. В нем сообщается о прибытии еще одного боливийца,

который хочет присоединиться к нам…

Опять пережили трагедию, хотя ни разу еще не вступали в бой. В полдень появился Хоакин. Мигель и Тума пошли ему навстречу, неся большие куски конины. Группа Хоакина пережила серьезные испытания. Они не могли управиться с плотом, и тот помчался вниз по Ньянкауасу. Потом он попал в водоворот, плот, по их словам, несколько раз переворачивался. В итоге они потеряли шесть рюкзаков, почти все патроны, шесть винтовок и одного бойца — Карлоса. Ему удалось вырваться из водоворота, в который его затянуло одновременно с Браулио. Но Браулио добрался до берега и оттуда уже видел, как Карлоса несло течением дальше. Он даже не сопротивлялся. Хоакин уже ушел вперед со своими людьми, и он не видел тонущего Карлоса. Он считался до сегодняшнего дня лучшим среди боливийцев арьергарда по серьезному отношению к делу, дисциплине и энтузиазму.

Потеряно следующее оружие: один «брно», который был у Браулио; две «М-1», принадлежавшие Карлосу и Педро;

три «маузера» — Абеля, Эусебио и Поло. Хоакин сообщил, что видел на том берегу Рубио и Врача. Он велел им соорудить небольшой плот и вернуться. В два часа дня они пришли, без конца рассказывая о своих перипетиях и неудачах. Их плот развалился, как только попал в первый же водоворот. Они выползли на берег почти на том же месте, что и мы вчера…

Вышли рано, оставив Хоакина и его людей переваривать съеденную ими половину лошади. Им велено выйти, как только они будут в силах двигаться.

Чтобы сохранить небольшой запас конины, пришлось повоевать. Большинство было за то, чтобы съесть все до конца…

В полтретьего появился Урбано с олененком, подстреленным Рикардо. Это позволило нам быть менее сдержанными в еде и сохранить на всякий случай целый лошадиный бок. В полпятого мы дошли до места, где собирались сделать привал на обед, и там заночевали. Несколько человек в плохом настроении и все время ворчат: это Чинчу, Урбано и Алехандро.

Утром те, что шли впереди, сделали хороший переход и остановились на привал в одиннадцать. Но опять от нас отстали Рикардо, Урбано и на этот раз Алехандро. Они пришли только в час, но по дороге Рикардо подстрелил еще одного олененка. С ними же пришел Хоакин. Между ним и Рубио произошла стычка. Они начали ругать друг друга. Мне пришлось крепко отчитать Рубио, хотя я и не уверен, что именно он был виновником этого инцидента.

Я решил продолжить переход, но над нами стал описывать круги разведывательный самолет, что не предвещало нам ничего хорошего. Кроме того, меня заботило отсутствие сообщений из базового лагеря. Я думал, что переход будет долгим. Но, несмотря на общую усталость, мы пришли на место в полшестого. Там нас встретил перуанский врач Негро, который пришел к нам с Чино и радистом. Он сказал, что Бениньо ожидает нас с едой и что двое людей Гевары дезертировали. После этого, сказал он, полиция нагрянула на ранчо. Бениньо рассказал также, что он пошел, было, нам навстречу с провиантом три дня назад и встретился с Роландо, но не решился идти дальше, опасаясь, что армия может пойти вдоль реки. Об этом говорит тот факт, что над базовым лагерем и его окрестностями вот уже три дня постоянно кружит самолет. Бениньо находится здесь уже два дня. Негро своими глазами видел, как шесть полицейских вторглись на ранчо. Там в этот момент не было ни Антонио, ни Коко. Коко ушел в Камири, чтобы привести очередную группу людей Гевары, а Антонио выехал сразу же вслед за ним, желая сообщить о дезертире. Получил пространное послание Маркоса (Д. VIII), в котором он на свой лад рассказывает о своих приключениях. Оказывается, он явился на ранчо, хотя это было категорически запрещено мною. Получены также два сообщения Антонио, которые обрисовывают сложившееся сейчас положение (Д. IX и X).

В базовом лагере находятся Француз, Чино, его товарищи, а также Пеладо, Таня и Гевара с первой частью своей группы. Съев свой обильный ужин из риса с олениной, Мигель ушел за Хоакином, который еще не вернулся. Заодно он должен был поискать Чинчу, который опять отстал. Он вернулся с Рикардо, а на рассвете появился Хоакин. Так мы наконец собрались все вместе.

Вышли в десять часов и шли хорошим шагом. Бениньо и Негро ушли раньше нас с запиской для Маркоса, в которой я велел ему изготовиться к обороне и передать Антонио все административные дела. Хоакин пошел за нами после того, как уничтожил все оставленные нами на берегу реки следы. Он сделал это без спешки.

Трое из его людей совершенно разуты. В час дня, когда мы расположились на привале, появился Пачо с запиской от Маркоса. Тот более подробно, чем Бениньо, описал происшедшие на ранчо события и при этом добавил одну весьма неприятную новость: шестьдесят солдат прошли по дороге, которую мы устроили для вальеграндийца, и перехватили Салустио, гонца из группы Гевары. Мы лишились также одного из мулов и джипа. От Лоро, который остался в домике, нет никаких известий. Мы решили в любом случае добраться до Медвежьего лагеря — его теперь называют так, потому что там рядом убили медведя. Послали вперед Мигеля и Урбано, чтобы они приготовили

обед для изголодавшихся бойцов. Сами мы пришли в лагерь, когда уже стало темнеть. Там находились Дантон, Пеладо и Чино, а также Таня и группа боливийцев, которые принесли в лагерь продукты и затем ушли. Роландо велели все убрать из другого лагеря. Здесь царит совершенно пораженческая атмосфера. Вскоре прибыл перуанец-врач, который недавно присоединился к нам, и принес записку для Роландо. В ней говорилось, что Маркос и Антонио находятся у реки и что Роландо должен прийти к ним, чтобы поговорить с ними. Я послал того же гонца к Маркосу и велел сказать ему, что сражения выигрывают при помощи пуль, а не разговорами, и чтобы они немедля возвращались в лагерь и дожидались меня. От всего этого — ощущение ужасного хаоса. Они совершенно не знают, что надо делать.

Имел предварительную беседу с Чино. Он просит пять тысяч долларов ежемесячно в течение десяти месяцев. В Гаване ему сказали, чтобы этот вопрос он уладил со мной. Кроме того, он принес с собой послание, которое Артуро не смог расшифровать, так как оно очень длинное. Я сказал Чино, что в принципе помогу ему, но при условии, что в ближайшие шесть месяцев он начнет партизанские действия. Он намерен начать их с группой в пятнадцать человек, причем сам он будет командующим зоны Аякучо. Договорились также, что я приму от него пять человек в ближайшее время, а позже — еще пятнадцать. Затем они вернутся к нему после того, как обстреляются у меня. Он должен прислать мне две рации среднего радиуса действия (40 миль). Договорились вместе разработать шифр, чтобы постоянно сообщаться друг с другом. Чино кажется очень воодушевленным.

Он также принес с собой несколько сообщений от Родольфо, которые уже устарели. Сообщили, что появился Лоро. Он утверждает, что убил одного солдата.

День прошел в разговорах и спорах с Чино, с которым мы уточнили некоторые вопросы. При этих беседах присутствовали также Француз, Пеладо и Таня. Француз принес с собой давно известные мне новости о позиции Монхе, Колье, Симона Рейеса и т. д. Он прибыл с намерением остаться у нас, но я попросил его, чтобы он вернулся и организовал помощь нам во Франции, а по дороге заехал на Кубу. Это вполне совпадает с его планами жениться и иметь ребенка. Я должен написать письма Сартру и Б. Расселу, чтобы они организовали всемирную кампанию помощи освободительному движению Боливии. Француз должен, кроме того, поговорить с одним своим другом, который поможет нам деньгами, медикаментами и радиооборудованием, а также пришлет инженера, специалиста по радио.

Пеладо, как я ожидал, готов слушаться моих приказаний. Я предложил ему стать своего рода координатором между мной и группами Хосами, Гельмана и Стампони. Они должны послать мне пять человек, которые пройдут здесь обучение и тренировку. Он передаст также привет Марии Росе Оливер и старику. Мы дадим Пеладо пятьсот песо, чтобы он их послал туда, а тысячу он оставит при себе на поездки. Если аргентинские товарищи согласятся с моими предложениями, они должны начать разведку на севере Аргентины и послать мне отчет об этом.

Таня встретилась с нужными людьми, но, по ее словам, ей пришлось добираться сюда на своем джипе, так как никто ей не помог. Она хотела пробыть здесь день, но положение осложнилось, Хосами не смог остаться в первую свою поездку, а во вторую поездку он ни с кем не мог встретиться, так как Таня была здесь. Об Иване она говорит пренебрежительно. Не знаю, что там у них случилось. Получил денежный отчет от Лойолы. Он заканчивается 9 февраля. Всего истрачено 1500 долларов.

Получены два отчета от Ивана. Первая из них, хотя и содержит фотографии какой-то военной школы, не представляет никакого интереса.

Второй отчет, касающийся нескольких других вопросов, тоже не интересен.

Самое главное, он никак не может разобрать почерк (Д. XIII). Получено сообщение от Антонио (Д. XII), в котором он пытается оправдать свои действия. По радио передали, что убит солдат. Затем это сообщение было опровергнуто. Видимо, Лоро сказал правду.

В [в дневнике неразборчиво] мы вышли, оставив лагерь [опять неразборчиво], предварительно наспех запрятав там небольшое количество продуктов [опять неразборчиво]. Пришли на место в двенадцать часов. Включая посетителей и всех новичков, составили отряд численностью в сорок семь человек.

Пришел Инти и пожаловался на грубость со стороны Маркоса. Я взорвался и сказал Маркосу, что если это так, то он будет изгнан из отряда. На это он ответил, что предпочитает быть расстрелянным.

Мы послали пять человек вперед по реке, чтобы они организовали засаду. Послали также на разведку трех человек во главе с Антонио, Мигелем и Лоро. Пачо пошел на наблюдательный пункт, расположенный на безлесном склоне, с которого виден дом Альгараньяса, но ничего оттуда не увидел. Вечером вернулись разведчики и я устроил им крупный разнос. Лоро очень горячо

прореагировал на это и сказал, что отказывается от всяких должностей в отряде. Собрание было бурным и взрывчатым. Окончилось оно нехорошо. Так и не ясно, что же сказал Маркос. Велел разыскать Роландо, чтобы окончательно уладить вопрос с новичками, распределить их и дать им номера. Дело в том, что главная группа, в которой сейчас тридцать человек, осталась сегодня голодной.

День боевых действий. Помбо хотел послать гондолу в верхний лагерь, чтобы забрать там все спрятанные продукты, но я воспротивился этому, сказав, что надо подождать, пока не выяснится положение Маркоса. В начале девятого прибежал Коко и сообщил, что взвод солдат попал в засаду. Предварительные результаты боя следующие: захвачено три 60-миллиметровых миномета, шестнадцать «маузеров», две «базуки», три «усис», один 30-миллиметровый пулемет, две рации, ботинки и т. д. Семь человек убиты, четырнадцать взяты в плен целыми и невредимыми, а четыре — ранеными. К сожалению, не захватили никаких продуктов. В наших руках оказался их план операций, согласно которому армия должна продвигаться по обе стороны Ньянкауасу и затем сомкнуть клещи. Мы тут же перевезли всех людей на другой берег. Я выставил Маркоса почти со всеми бойцами авангарда в конце первой дороги для маневрирования, в то время как главная группа и арьергард занимают оборону, а Браулио организует засаду в конце второй дороги для маневрирования. Так мы проведем ночь и посмотрим, появятся ли завтра пресловутые «рейнджеры». Мы взяли в плен одного майора и одного капитана. Они выбалтывают нам все, словно попугаи…

Точный подсчет трофеев показал, что мы захватили следующее вооружение: шестнадцать «маузеров», три миномета с 64 минами; две «базуки»; 2 тысячи патронов к «маузерам»:

три «усиса» с двумя дисками к каждому; 30-миллиметровый пулемет с двумя лентами. Семь человек убито, четырнадцать взято в плен, включая четырех раненых. Послали Маркоса на разведку. Он ничего не установил. Но самолеты устроили бомбежку рядом с нашим домом.

Послал Инти, чтобы тот в последний раз поговорил с пленными. Велел ему освободить их, сняв с них все, что им может пригодиться. Исключение было сделано только для офицеров, с которыми состоялась долгая беседа. Их выпустили при полном обмундировании. Майору мы сказали, что не будем возобновлять военных действий до двенадцати ноль-ноль 27 марта, чтобы они успели убрать убитых. Обещали ему не действовать в зоне Лагунильяс, если он останется с нами. Он отказался, сказав, правда, что подаст в отставку из армии. Капитан заявил, что он в прошлом году вновь вступил в армию по указанию товарищей из партии и что один из его братьев учится на Кубе. Кроме того, он назвал имена двух других офицеров, готовых сотрудничать с нами. После этого самолеты опять бомбили нас, вызвав сильный переполох в лагере. Двое — Рауль и Вальтер — были легко ранены. Вальтер явно трусил под бомбами.

Маркос вышел на разведку, но ничего поблизости не обнаружил. Ньято и Коко пошли с вновь прибывшим отребьем в верхний лагерь, но вернулись с полпути, так как подонки не хотели идти. Придется их выгнать.

День без происшествий. Леон, Урбано и Артуро ушли на наблюдательный пункт, с которого просматриваются подходы к реке с обеих сторон. В двенадцать часов сняли Маркоса из засады, и все мы устроили одну большую засаду в центре. В половине седьмого я устроил разбор нашего похода, рассказал об ошибках Маркоса и снял его с должности, назначив на место командира авангарда Мигеля. Одновременно заявил, что Пако, Пене, Чинголо и Эусебио изгоняются из отряда. Пока им не будут давать есть, если они не будут работать. Кроме того, мы лишаем их табака, а личные вещи распределяем между другими товарищами, которые в этих вещах нуждаются. Я сообщил о предложении Колье, пожелавшего приехать к нам и обсудить ряд вопросов, но подчеркнул, что в то же время из молодежной организации исключают наших сторонников, в том числе и некоторых присутствующих здесь. Я сказал, что обо всем надо судить прежде всего по делам, что слова, которые не подтверждаются делом, ничего не стоят. Объявил на завтра розыск исчезнувшей коровы и сказал, что с завтрашнего дня возобновляем обучение.

Поговорил с Педро и Браулио, сообщив им, что они почти достойны звания партизан. Подбодрил Аполинара. Вальтера я критиковал за то, что он проявил слабость во время поездки и боя, а также за то, что он испугался самолетов. Мне не понравилось, как он реагировал на критику. Уточнили некоторые детали с Чино и Пеладо. Французу сделал пространный устный отчет о сложившемся положении. В ходе собрания решили дать нашей группе название Национально-освободительной армии Боливии. Решено также распространить сводку о результатах нашего первого боя.

Рано утром Инти ушел с Антонио, Раулем и Педро в окрестности Тикучи на поиски пропавшей коровы. Они вернулись ни с чем, так как в трех часах ходьбы отсюда встретили солдат. Кажется, наших не видели. Они рассказали, что армия выставила один из постов на лысой горе, где стоит дом с блестящей крышей. Они видели, как оттуда выходили восемь солдат. Войска расположились также поблизости реки, которую мы называем Яки. Поговорил с Маркосом и отослал его в арьергард. Но не думаю, что он после этого в корне изменит свое поведение.

Организовали небольшую гондолу и выставили, как обычно, сторожевые посты. С наблюдательного пункта, расположенного напротив дома Альгараньяса, видели 30–40 солдат. Там приземлился военный вертолет.

Сообщения о проведенном нами бое стали сенсацией и заполнили эфир. В нем звучат многочисленные коммюнике, а также передавалась пресс-конференция Баррьентоса. В официальной сводке говорится, что у них было на одного убитого больше, чем у нас. Большая часть их потерь, по их словам, это раненые солдаты, которых мы якобы потом расстреляли. Они утверждают, что с нашей стороны было пятнадцать убитых и четыре пленных, два из которых иностранцы. Сообщили также об одном иностранце, который был в нашем отряде, а потом покинул его, и приведен точный состав отряда. Ясно, что дезертиры и пленный на допросах говорили много. Не ясно только окончательно, что именно они сказали и как они это подали. Судя по всему, установлено, какую роль играла Таня. Таким образом пошли прахом два года хорошей и терпеливой работы. Теперь нашим гостям будет очень трудно выбраться отсюда. У меня создалось впечатление, что такой оборот дела совсем не понравился Дантону, когда он об этом узнал. Посмотрим, как все это повернется.

Бениньо, Лоро и Хулио ушли искать дорогу на Пириренду. Они должны потратить на это два или три дня. Им велено незаметно дойти до Пириренды и оттуда провести небольшую разведку в сторону Гутьерреса. Разведывательный самолет сбросил парашют, и постовые с наблюдательного пункта сообщили, что он приземлился в охотничьем заповеднике. Послали на разведку туда Антонио и еще двух бойцов с заданием поймать парашютиста, но они никого не нашли.

Вечером собрали наш генеральный штаб и наметили план на ближайшие дни. Завтра нужно будет послать гондолу забрать из домика запасы маиса, другую гондолу нужно послать в Гутьеррес за покупками. И наконец, решили провести небольшую атаку для воодушевления бойцов где-нибудь в горах между Пинкалем и Лагунильясом, перехватив автомашины, которые там часто проезжают.

Редактируем коммюнике № 1, которое постараемся передать журналистам Камири (Д. XVII).

Эфир перенасыщен сообщениями о партизанах. Судя по сообщениям, нас окружают две тысячи человек, расположенные по окружности в 120 километров и постепенно стягивающие кольцо. Кроме того, нас бомбят, применяя напалм. По расчетам властей, мы потеряли 10–15 человек.

Послал Браулио с девятью бойцами забрать маис. Вечером они вернулись и принесли целый букет новостей. 1) Коко, который вышел раньше, куда-то пропал. 2) В четыре часа они пришли на ранчо и обнаружили, что наш тайник обыскали, тем не менее они продолжают заниматься своим делом, и тут появляются семь человек из Красного Креста, два врача и несколько военных без оружия. Их берут в плен, объяснив, что срок перемирия уже вышел, но потом разрешают им уйти. 3) В этот момент появляется грузовик с солдатами, и наши, вместо того чтобы открыть огонь, велят тем убираться. 4) Солдатики очень дисциплинированно уезжают, а наши сопровождают санитаров до трупов, которые уже начинают разлагаться. Но санитары заявляют, что не смогут их сейчас увезти и говорят, что приедут завтра, чтобы кремировать трупы. Наши конфисковали у них двух лошадей, принадлежавших Альгараньясу, и вернулись, оставив Антонио, Рубио и Анисето на том месте, где лошади не могли пройти дальше. Мы послали на розыски Коко, но он появился сам. Судя по всему, он просто где-то заснул.

От Бениньо ничего пока не слышно. Француз с чрезмерной настойчивостью ставит вопрос о том, как бы он мог быть полезен нам вне партизанского отряда.

Сегодня дел было мало. Зато имеем массу новостей. Армия дает нам широкую информацию, которая — если она верна, — может быть для нас чрезвычайно полезной. Гаванское радио сообщило о партизанах в Боливии. Правительство [Боливии] заявило, что оно поддержит обвинение, представленное Венесуэлой в Организацию американских государств [о вмешательстве Кубы в дела других стран континента и организации ею в этих странах партизанского движения]. Одно из сообщений меня очень беспокоит: о бое в ущелье Пирабой, в котором погибло два партизана. Это на дороге в Пириренду, куда на разведку ушел Бениньо. Он должен был сегодня вернуться, но его нет. Правда, у него был строжайший приказ не появляться в этом ущелье, но в последние дни мои приказы много раз нарушались.

У Гевары работа подвигается очень медленно. Ему дали динамит, но он за весь день так и не смог его взорвать. Зарезали лошадь и наелись конины, хотя у нас останется ее еще на четыре дня. Постараемся привести сюда вторую лошадь, но это будет очень трудно. Судя по стервятникам, трупы еще не кремировали. Как только землянка будет готова, мы переберемся из этого лагеря, который очень неудобен, да и расположение его стало слишком известно. Сообщил Алехандро, что он останется здесь вместе с Врачом и Хоакином, возможно в Медвежьем лагере. Роландо тоже очень измотан.

Говорил с Урбано и Тумой. Тума даже не способен понять, за что я его критикую.

Теперь все спокойно. В полдень вернулся Бениньо со своими бойцами. Они действительно прошли через ущелье Пирабой, но видели только следы, оставленные двумя прошедшими до них людьми. Они дошли до назначенного им места, и их видели крестьяне. После этого вернулись. До Пиріренды можно добраться, по их словам, за четыре часа, и это как будто не связано с особой опасностью. Авиация все время обстреливает домик.

Послал Антонио и еще двух бойцов на разведку вниз по реке. Они сообщили, что постовые продолжают оставаться на своих местах, хотя они и видели следы, указывающие, что армия вела разведку вдоль реки. Солдаты вырыли окопы.

Привели вторую лошадь. Теперь, в худшем случае, нам хватит мяса на четыре дня. Завтра мы отдохнем, а послезавтра авангард пойдет выполнять две запланированные нами операции: взятие Гутьерреса и организацию засады на дороге Альгараньяс — Лагунильяс.

Особых новостей нет. Гевара сказал, что завтра закончит землянку. Инти и Рикардо сообщили, что армия вновь захватила наше ранчо, подвергнув его сначала минометному обстрелу и бомбардировав с воздуха, и т. д. Это осложняет наш план, согласно которому мы должны были добраться до Пиріренды и там сделать запасы провианта. Тем не менее я велел Мануэлю продвигаться с бойцами в сторону ранчо. Если оно пусто, занять его и сообщить мне, чтобы мы могли послезавтра быстро собраться. Если же домик занят и солдат нельзя неожиданно атаковать, вернуться и разведать возможность пройти мимо Альгараньяса, устроив солдатам засаду между Пинкалем и Лагунильясом. Радио по-прежнему взбудоражено, и многочисленные сообщения перемежаются официальными коммюнике о боях. Они абсолютно точно установили место нашего расположения между Яки и Ньянкауасу, и я опасаюсь, что армия попробует окружить нас. Говорил с Бениньо о допущенной им ошибке. Объяснил ему положение с Маркосом. Он прореагировал хорошо.

Вечером разговаривал с Лоро и Анисето. Беседа была очень неприятной. Лоро дошел до того, что сказал, будто мы все разложились, а когда я попросил его уточнить свои слова, заявил, что они относятся не ко всем, а только к Маркосу и Бениньо. Анисето наполовину поддержал его, но потом признался Коко, что он участвовал в краже консервов, Инти же он заявил, что не согласен со словами Лоро о Бениньо, о Помбо, о «полном разложении партизанского движения». Примерно так звучали его слова.

Анализ месяца

Месяц изобиловал событиями. Можно набросать следующую общую панораму. Сейчас проходит этап консолидации и самоочищения партизанского отряда, которое проводится беспощадно. Состав отряда растет медленно за счет некоторых бойцов, прибывших с Кубы, которые выглядят неплохо, и за счет людей Гевары, моральный уровень которых очень низок (два дезертира, один сдавшийся в плен и выболтавший все, что знал, три труса, два слабака). Сейчас начался этап борьбы, характерный точно нанесенным нами ударом, вызвавшим сенсацию, но сопровождавшийся и до и после грубыми ошибками (выходки Маркоса, нерешительность Браулио). Начался этап контрнаступления противника, которое до сих пор характеризуется: а) тенденцией к занятию ключевых пунктов, что должно изолировать нас; б) пропагандистской кампанией, которая ведется в национальных рамках и в международных масштабах; в) отсутствием до сих пор боевой активности армии; г) мобилизацией против нас крестьян.

Ясно, что нам придется сниматься с места раньше, нежели я рассчитывал, и уйти отсюда, оставив группу, над которой будет постоянно нависать угроза. Кроме того, возможно, еще четыре человека предадут. Положение не очень хорошее. Но сейчас начинается новый этап, очень важный для испытания жизнеспособности партизанского движения. Когда мы его преодолеем, это принесет движению большую пользу. Состав отряда такой:

авангард: Мигель — командир, затем Бениньо, Пачо, Лоро, Анисето, Камба, Коко, Дарио, Хулио, Пабло, Рауль;

арьергард: Хоакин — командир, его заместитель — Браулио; затем Рубко, Маркос, Педро, Врач, Поло, Вальтер, Виктор (а также Пепе, Пако, Эусебио, Чинголо);

центр — я, Алехандро, Роландо, Инти, Комбо, Ньято, Тума, Урбано, Моро, Негро, Рикардо, Артуро, Эустакио, Гевара, Вилли, Луис, Антонио, Леон (гости — Таня, Пеладо, Дантон, Чино) (Серапио — в убежище).

Авангард вышел в семь часов с большим запозданием. Не хватает Камбы, который не вернулся из Медвежьего лагеря. Там он вместе с Ньято прятал оружие в тайнике. В десять часов прибыл Тума и доложил, что видел со своего наблюдательного пункта трех или четырех солдат там, где охотничьи угодья. Мы изготовились к обороне, и Вальтер сообщил с наблюдательного пункта, что видит вдалеке трех солдат с мулами или ослами, которые что-то перевозят. Я посмотрел в ту сторону, куда он мне показал, но ничего не увидел. В четыре часа я ушел с наблюдательного пункта, решив, что в любом случае войска едва ли решатся наступать на нас. Но на мой взгляд, Вальтеру просто показалось…

Решил завтра же всех эвакуировать, а также назначить Роландо командиром арьергарда на то время, что Хоакин будет отсутствовать. В девять часов вернулись Ньято и Камба, запрятав все [в Медвежьем лагере], кроме одного рациона еды для шестерых человек, которые останутся. Это Хоакин, Алехандро, Моро, Серапио, Эустакио и Поло. Кубинцы протестовали против того, чтобы остаться. Зарезали вторую лошадь, чтобы оставить чарки для шестерых. В одиннадцать часов прибыл Антонио и сообщил, что у него все в порядке. Он принес с собой мешок маиса..

В четыре часа утра вышел Роландо, уводя с собой наш «балласт», в котором четыре слабака (Чинголо, Эусебио, Пако, Пепе). Пепе, правда, попросил, чтобы ему дали оружие, так как решил остаться. Камба пошел с ним.

В пять часов пришел Коко и сказал, что они прирезали корову и ждут нас. Мы договорились встретиться послезавтра в двенадцать часов у ручья, который течет в горах за ранчо.

Потратили весь день на то, чтобы запрятать в тайники невероятно большое количество вещей, запасенных нами. Покончили с этой работой в пять часов. Выставили как всегда часовых, но день прошел неожиданно для нас спокойно. Даже самолеты над нами не летали. В комментариях по радио говорится о «стягивании петли» войск вокруг нас и о том, что партизаны готовятся к обороне в ущелье Ньянкауасу. Сообщают, что дон Ремберто арестован, а также передают подробности о том, как он продал Инти ранчо.

Так как было поздно, мы решили сегодня не уходить, а выступить завтра в три часа утра. Решили пройти напрямик по Ньянкауасу, хотя встреча должна состояться за ущельем. Говорил с Моро и объяснил ему, что не включил его в группу лучших потому, что он проявляет слабость к еде и выводит товарищей из себя своими насмешками. Говорили с ним довольно долго.

Намеченную программу выполнили без помех. Вышли в полчетвертого утра, шли медленно, спрямив дорогу в полседьмого, и дошли до ранчо в 8.30. Когда мы проходили мимо места, где нами была устроена засада, видели трупы. От семи убитых остались лишь скелеты, очищенные стервятниками с полной тщательностью. Послал двух человек — Урбано и Ньято — для встречи с Роландо, и во второй половине дня добрались до ущелья Пирабой, где ночевали, насытившись

говядиной и маисом.

Говорил с Дантоном и Карлосом, предложив им три выхода: остаться с нами, уйти на свой страх и риск или после взятия нами Гутьерреса попытаться выбраться каким-нибудь более удобным способом. Они выбрали третий вариант. Завтра попытаем счастья.

Очень напряженный день. В четыре часа утра переправились через реку Ньянкауасу и остановились, дожидаясь рассвета, чтобы продолжить переход. Затем Мигель вышел на разведку, но два раза возвращался, так как по ошибке сталкивался почти нос к носу с солдатами. В восемь часов Роландо сообщил, что с десяток солдат появились в ущелье, которое мы только что покинули. Мы медленно пошли дальше и в одиннадцать уже находились вне опасности. Расположились на холме. Явился Роландо и сказал, что на самом деле около ущелья нас поджидало более ста солдат.

Ночью, когда мы еще не дошли до ручья, услышали голоса пастухов, раздававшиеся рядом у реки. Мы перерезали им дорогу и захватили четырех из них вместе с коровами Альгараньяса. Они искали двенадцать затерявшихся коров и имели при себе специальные пропуска, выданные им армией. Некоторые из пастухов уже ушли, и мы не смогли их захватить. Мы оставили себе двух коров и перевели их вброд через реку, уведя к нашему ручью. Среди четырех схваченных нами пастухов один работает у Альгараньяса по контракту, другой — его сын, третий — крестьянин из Чукисака, а четвертый — из Камири. Последний оказался вполне покладистым парнем. Мы вручили ему наше коммюнике для журналистов, и он обещал передать его по назначению.

Мы продержали его немного времени и затем отпустили, попросив ничего не говорить о встрече с нами. Он обещал это сделать. Всю ночь ели.

Пошли дальше вдоль ручья, ведя за собой оставшуюся корову, которую сегодня же и прирезали, чтобы приготовить чарки. Роландо устроил засаду на реке и должен был открыть огонь, как только появятся солдаты. Но в течение всего дня там никто не появлялся. Бениньо и Камба пошли вперед по тропе, которой мы должны выйти к Пириренде. Они сообщили, что в одном из ущелий, выходящих к нашему ручью, слышали что-то вроде звука мотора на лесопилке.

Послал Урбано и Хулио с запиской для Хоакина, но они так сегодня и не вернулись.

День без новостей. Бениньо вернулся, не успев закончить расчистку тропы. Он сказал, что завтра тоже не сможет доделать эту работу. Мигель отправился на разведку каньона, который видел сверху Бениньо, но так и не вернулся. Вернулись Урбано и Хулио, а с ними пришел Поло. Солдаты нагрянули в лагерь и теперь обшаривают все близлежащие склоны. Они прошли мимо элеватора и спустились в лагерь сверху. Обо всем этом и некоторых других делах Хоакин сообщает в своей записке (Д. XIX).

У нас было три коровы с телятами. Одна из них сегодня сбежала. Осталось четверо животных, из которых одного или двух мы превратили в чарки, использовав соль, которая у нас еще остается.

Поло, Луис и Вилли ушли с заданием вручить записку Хоакину (больному) и помочь ему и его товарищам перебраться в укромное место выше по ручью, которое сейчас подыскивают Ньято и Гевара…

Утро прошло спокойно. Мы готовились оставить ручей, предварительно уничтожив все следы, чтобы он выглядел незапятнанным. Собирались пойти по обнаруженному Мигелем ущелью в сторону Пириренды — Гутьерреса. Но в полдень прибежал запыхавшийся Негро и сообщил, что снизу по реке приближаются пятнадцать солдат. Инти ушел предупредить Роландо, который сидел в засаде. Нам оставалось только ждать, что мы и сделали. Я послал Туму, чтобы он тут же информировал о том, что произойдет. Скоро мы получили первые новости и среди них одну трагическую: Рубио — Хесуе Суарес Гайоль — смертельно ранен. В лагерь его доставили уже мертвым — пуля попала ему в голову.

Дело было так. В засаде было восемь человек из арьергарда, три человека были посланы на подкрепление из авангарда. Они расположились по обе стороны реки. Сообщив о приближении пятнадцати солдат, Инти подошел к Рубио и сказал ему, что он занял очень плохую позицию, так как его хорошо видно со стороны реки. Солдаты шли без особых предосторожностей, но рассматривали берега в поисках тропинок. Они нашли одну на них, пошли по ней и наткнулись на Браулио и Педро, не успев дойти до засады. Перестрелка продолжалась несколько секунд. Один из солдат был убит, трое ранены и шестеро были взяты в плен. Вскоре в плен был захвачен еще один унтер-офицер, а четверо солдат бежали. Рядом с одним из раненых обнаружили Рубио, который уже агонизировал. Его заело, а рядом с ним лежала граната с вырванным предохранителем. Она не взорвалась. Раненого солдата не удалось допросить, так как он был в тяжелом состоянии и скоро умер. Умер также и лейтенант, командовавший подразделением.

Из допроса остальных пленных вырисовывается следующая картина: эти пятнадцать человек входили в состав роты, которая находилась в верхней части Ньянкауасу, прошла по ущелью,

захоронила скелеты и обнаружила лагерь. Солдаты говорят, что они там ничего не нашли, хотя по радио сообщают об обнаруженных именно там фотографиях и документах. В роте сто человек. Эти пятнадцать сопровождали группу журналистов, которые побывали в нашем лагере, потом они вышли с заданием провести разведку и возвратиться к пяти часам вечера. В Пинкале расположены основные силы армии. В Лагунильясе тридцать солдат. Наши пленные предполагают, что подразделения, которые проходили через Пирабой, теперь ушли в Гутьеррес. Они рассказали о долгих скитаниях отряда солдат, который потерялся в горах и остался без воды. Их пришлось выручать. Я рассчитал, что сбежавшие солдаты вернутся к своим позднее, но решил оставить на месте засаду Роланду, выдвинув ее вперед на пятьсот метров. Но на этот раз я придал ему всех бойцов авангарда. Сначала я было приказал отступать, но потом мне показалось более целесообразным оставить все как есть. Около пяти часов донесли, что к нам приближаются крупные силы армии. Теперь оставалось только ждать. Послал Помбо, чтобы он сообщал мне о том, что там происходит. Потом мы услышали одиночные выстрелы, которые звучали некоторое время. После этого появился Помбо и сказал, что солдаты вновь попали в засаду, несколько человек убиты и один майор ранен.

На этот раз все произошло таким образом: развернувшись в цепь, солдаты наступали вдоль реки, не принимая особых предосторожностей. Огонь обрушился на них неожиданно. Теперь их потери составили семь убитых, пять раненых и 22 пленных.

Утром перенесли все трофеи и похоронили Рубио, вырыв для него неглубокую могилу, так как не было подходящих инструментов. Инти с бойцами арьергарда увели пленных. Они должны отпустить их на волю. Кроме того, группа Инти должна была поискать оружие, брошенное нашими противниками. В результате такого поиска были обнаружены еще два солдата, которых захватили вместе с их «гарандами». Майору вручили два экземпляра коммюнике № 1, которое он обещал передать журналистам. Общее число потерь противника: десять убитых, в том числе два лейтенанта; тридцать пленных, среди которых один майор и несколько унтер-офицеров; остальные — солдаты. Шестеро пленных ранены — один в первой схватке, остальные — во второй.

В основном все эти солдаты принадлежат к четвертой дивизии, которой приданы некоторые смешанные подразделения, среди них «рейнджеры», парашютисты-десантники и новобранцы из местных районов, почти дети.

Мы покончили со всеми этими заботами только вечером. Выбрали также место, в котором запрячем все, что мешает нашему передвижению. Тайник этот еще не готов. В последний момент сбежали две коровы, которых что-то напугало. Теперь у нас остался только один теленок.

Рано утром, когда мы только пришли в новый лагерь, столкнулись с Хоакином и Алехандро, спускавшимися навстречу нам со своими людьми. Выяснилось, что солдаты, которых якобы видел Эустакио, просто привиделись ему. Переход Хоакина, Алехандро и других на новое место оказался напрасной тратой сил.

По радио передали о «новом кровопролитном столкновении» и сообщили о девяти убитых со стороны армии и четырех наших убитых, что «точно установлено». Какой-то чилийский журналист подробно рассказывает у микрофона о нашем лагере, в котором обнаружено мое фото. На нем я снят с трубкой в зубах и без бороды. Следовало бы расследовать, кто сделал этот снимок. Пока еще ничто не доказывает, что верхний тайник обнаружен, хотя, по ряду признаков, это также не исключается.

В полседьмого утра собрал всех бойцов (кроме четверки подонков), чтобы почтить память Рубио и подчеркнуть, что первая пролитая нами кровь — кубинская кровь. Это необходимо было сделать, так как среди бойцов авангарда прослеживается тенденция пренебрежительно относиться к кубинцам. Это проявилось вчера, когда Камба заявил, что он все меньше доверяет кубинцам. Его слова были вызваны инцидентом, который у него произошел с Рикардо. Я вновь призвал к единению, как единственной возможности увеличивать наше войско, которое усилило свою огневую мощь и уже закаляется в боях, но не только не растет, а наоборот, в последние дни сокращается.

Затем, спрятав наши боевые трофеи в тайнике, который приготовил Ньято, мы в два часа дня выступили. Но шли очень медленно, настолько медленно, что на ночлег пришлось остановиться около источника, расположенного совсем рядом с нашим вчерашним лагерем.

Сейчас армия уже признает, что ее потери составили одиннадцать человек. Видимо, они нашли еще одного убитого, или же кто-то из раненых скончался. Начал проводить беседы о книге Дебре.

Расшифровали часть послания, но оно, кажется, не представляет особого интереса.

Разделили наш отряд на две группы, чтобы иметь возможность быстрее передвигаться. Несмотря на это, передвигались медленно, дойдя до лагеря только в четыре часа, причем отставшие пришли туда в полседьмого. Мигель пришел туда в первой половине дня и установил, что наши землянки и тайники не обнаружены. Скамейки, кухня, печь, запасы зерна не тронуты.

Анисето и Рауль ушли на разведку. Но она ничего не дала, и завтра придется повторить разведку, причем разведчики должны дойти до реки Икира.

Североамериканцы объявили о посылке в Боливию своих военных советников, но заявили при этом, что речь идет о выполнении давно разработанной программы, которая ничего общего с нынешним партизанским движением не имеет. Не исключено, что мы присутствуем при первом эпизоде образования нового Вьетнама.

Ничем не примечательный день. Принесли некоторые продукты из убежища, в котором укрывались больные, и теперь нам хватит еды на пять дней. Из верхнего тайника извлекли банки со сгущенкой и обнаружили, что там недостает 23-х штук. Трудно объяснить этот факт, так как Моро оставил там 46 банок, и, судя по всему, никто не имел даже физической возможности забрать их оттуда. Сгущенка стала одним из факторов, разлагающих наших бойцов. Из специальной землянки достали миномет и пулемет, чтобы укрепить наши позиции, ослабленные тем, что Хоакин еще не подошел. Пока план будущих операций для меня не совсем ясен. Но думаю, что наиболее подходящим вариантом будет уход из этой зоны, проведение нескольких операций в районе Муйупампы, а затем медленное передвижение на север. Если это окажется возможным, Дантон и Карлос останутся и затем направятся в сторону Сукре или Кочабамбы, в зависимости от обстоятельств. Написали коммюнике № 2 (Д. XXI), обращенное к боливийскому народу, и отчет № 4 для Манилы, который должен унести с собой Француз.

Прибыл Хоакин со всем арьергардом. Решили выступить завтра. Хоакин сообщил, что самолеты летают над зоной, а горы обстреливают из пушек. День прошел спокойно. Усилили вооружение группы, передав 30-миллиметровый пулемет арьергарду, которым командует Маркос, взявший в помощники подонков.

Вечером я предупредил о предстоящем нам долгом переходе и сообщил о случае со сгущенкой, сделав самое серьезное предупреждение.

В общих чертах расшифровано длинное послание с Кубы. Лечин знает о моем присутствии здесь и опубликует заявление в нашу поддержку, а через двадцать дней нелегально вернется в Боливию.

Написали небольшое письмо Фиделю (№ 4), сообщая ему о последних событиях. Оно зашифровано и написано симпатическими чернилами.

Авангард выступил в 6.15, а мы — ровно через час после него. Сделали хороший переход до реки Икири, но Таня и Алехандро отстали. Когда мы замерили у них температуру, оказалось, что у Тани 39 с лишним, а у Алехандро 38. Это помешало нам совершить намеченный на сегодня переход. Мы оставили их двоих, а еще Негро и Серапио километром выше (если идти по реке) и продолжили путь до хутора, который Называют Белья Виста. Там встретили четырех крестьян, которые продали нам картофель, одну свинью и маис. Они очень бедны, но запуганы нашим появлением здесь. Ночь провели за приготовлением еды и ужином. С места не двигались, ожидая наступления дня, чтобы незаметно для армии пройти через Тикучу.

В течение дня мы получали противоречивые сообщения и соответственно этому меняли свои решения. По словам крестьян, мы лишь потеряем время, если пойдем на Тикучу. Они утверждают, что до Муйупампы (Вака Гусман) имеется прямая и более короткая дорога, в конце которой ходят машины. После долгих колебаний с моей стороны мы приняли решение передвигаться напрямик на Муйупампу. Велел четырем подонкам оставаться с Хоакином. Хоакину я велел провести небольшую боевую операцию в окрестностях, чтобы отвлечь внимание от основной группы и затем ожидать нас в течение трех дней. Остальное время он должен оставаться в зоне, но избегать фронтальных боев и дожидаться нашего возвращения. Ночью мы узнали, что один из детей крестьянина пропал и, возможно, ушел, чтобы сообщить армии о нашем присутствии здесь. Все же мы решили придерживаться намеченного нами плана, чтобы наконец попробовать дать возможность уйти Французу и Карлосу. К группе подонков присоединился Мойсес. Он не может идти с нами, потому что у него колики.

Мы находимся в следующем месте. Вот схема [нарисована схема]. Если мы будем возвращаться прежней дорогой, то рискуем столкнуться с армейскими частями, которые расквартированы в Лагунильясе, или же с какой-нибудь частью, идущей из Тикучи. Ведь солдаты в курсе того, где мы находимся. И все же нам придется поступить именно так, поскольку в противном случае мы потеряем связь с арьергардом.

Мы выступили в десять часов вечера и шли с перерывами до полпятого утра, после чего немного поспали. Прошли километров десять. Из всех крестьян, которых мы встречали, лишь один — Симон — согласился помочь нам, но явно был испуган. Другой, Видес, может быть опасным для нас. Он «богач» этой местности. Надо учесть также, что сын Карлоса Родаса исчез и, может быть, он доносчик (хотя, возможно, под давлением Видеса, которого из-за его богатства и влияния все крестьяне здесь слушаются).

Шли, не останавливаясь, до утра. Затем немного подремали и здорово замерзли. Утром авангард вышел на разведку и нашел хижину гуарани, которые дали нам мало информации. Часовые наши задержали всадника. Он оказался сыном Карлоса Родаса (но вторым). Ехал он в Якундай. Мы задержали его. Продвигались медленно и в три часа вышли к Матагалю, где расположен дом А. Падильи — бедного брата другого крестьянина, живущего в лиге отсюда, мимо которого мы недавно прошли. Крестьянин наш был охвачен ужасом и всячески старался выпроводить нас, но, в довершение всех бед, пошел дождь и нам пришлось укрыться в его доме.

Провели весь день на том месте, где остановились накануне, перехватывая крестьян, проезжавших через место скрещения дорог в обоих направлениях. В час дня часовые принесли совершенно нам ненужный «подарок» — английского журналиста Рота, который шел по нашим следам, сопровождаемый детьми из Лагунильяса, ставшими его проводниками. Документы его были в порядке, но внушали сомнение. В паспорте, в графе профессии слово «студент» было перечеркнуто и заменено на «журналист» (на самом же деле, по его словам, он фоторепортер). Кроме того, у него пуэрто-риканская виза, и он признал затем, что преподавал в Пуэрто-Рико испанский язык. Он рассказал, что был в нашем лагере, где ему показали дневник, в котором Браулио рассказывает о своих приключениях и переездах. Обычная история. Кажется, главной побудительной причиной действий наших людей стали недисциплинированность и безответственность. Из рассказов ребятишек, которые показывали путь журналисту, мы узнали, что в ту же ночь, как мы прибыли в этот район, об этом стало известно в Лагунильясе. Кто-то сообщил о нас армии. Мы нажали на сына Родаса, и он признался, что вместе с братом и еще одним батраком Видеса ходил в Лагунильяс, чтобы получить обещанную награду, которая колеблется между 500 и 1000 долларов. Мы наказали его, конфисковав у него лошадь, и сообщили об этой репрессивной мере другим задержанным крестьянам.

Француз предложил поставить перед англичанином вопрос о том, что, если тот хочет доказать свое доброе к нам расположение, он может помочь ему выбраться отсюда. Карлос, скрепя сердце, согласился с этим вариантом, а я умыл руки. В девять часов вечера мы дошли до [неразборчиво в дневнике] и продолжили переход в сторону Муйупампы. Там, по словам крестьян, все спокойно. Англичанин согласился с предложением Француза, переданным им Инти, а также изъявил согласие передать по назначению наше послание, которое я быстро подготовил. Без четверти двенадцать, пожав руки покидающим нас товарищам, мы продолжили путь к городку, который намеревались захватить. Со мной остались Помбо, Тума и Урбано. Холод сильно давал себя знать. Мы развели костер. В час ночи прибыл Ньято и сообщил, что в городке объявлена тревога — там появились двадцать солдат и образованы отряды самозащиты. Один из таких отрядов, вооруженный двумя винтовками «М-3» и двумя револьверами, столкнулся с нашим авангардом и тут же сдался без боя. Наши попросили дальнейших указаний, и я велел им отступить, так как было уже поздно. Что касается английского журналиста, Француза и Карлоса, то я сказал, что они сами должны принять то решение, которое они сочтут наиболее подходящим. В четыре часа утра мы пустились в обратный путь, так и не выполнив поставленную перед собой задачу. Но Карлос решил остаться, и Француз последовал его примеру, однако на этот раз с явной неохотой.

Около семи часов пришли в дом Немесио Карабальо, которого мы видели еще ночью. Он тогда предлагал нам выпить кофе. Теперь он куда-то ушел, оставив дом с несколькими перепуганными слугами открытым. Прямо в доме мы устроили обед, купив у батраков маиса, хокос и сапальос. Примерно в час прибыл грузовик под белым флагом. На нем приехали помощник префекта Муйупампы, врач и священник городка. Инти поговорил с ними. Они прибыли с мирными предложениями, призывая к миру между боливийцами, который они предлагали заключить при их посредничестве. Инти обещал им не трогать Муйупампы, но с условием, что они до полседьмого обеспечат нас товарами по нашему специальному списку. Они не обещали сделать это, сказав, что в городке расположены подразделения армии, и заявили, что эти товары могут быть доставлены только к шести часам утра. Инти не согласился.

В знак доброй воли они привезли нам две пачки сигарет и сообщили, что трое наших схвачены в Муйупампе. У двух из них дела плохи, так как у них обнаружены поддельные документы. Это явная неприятность для Карлоса. Что касается Дантона, то с ним все должно обойтись.

В полшестого над нами появились три самолета «АТ-6» и начали бомбить домик, в котором мы готовили еду. Одна из бомб упала в пятнадцати метрах от дома, и Роландо легко ранило осколком. Таким был ответ армии. Нужно подготовить хорошие воззвания, чтобы полностью деморализовать солдат, которые, по словам парламентеров, гадят под себя от страха.

Выступили в полдвенадцатого ночи, ведя двух лошадей — ту, что была конфискована, и ту, на которой к нам приехал журналист. Шли в направлении Тикучи, в полвторого остановились на ночлег.

Сегодня прошли немного. Дошли до дома Росы Карраско, которая хорошо нас приняла и продала все, что нам было необходимо. Ночью мы дошли до перекрестка на шоссе Муйупампа — Монтеагудо, до местечка Таперильяс. Думали разбить лагерь около источника и выбрать место для засады. Для этого имеется дополнительная причина: по радио мы услышали, что убито три

«наемника» — один француз, один англичанин и один аргентинец. Надо уточнить эту новость и, если она подтвердится, дать армии особый урок.

Перед ужином зашли к ветерану Родасу, который был отчимом Варгаса, погибшего в Ньянкауасу [видимо, речь идет о боливийце Карлосе, утонувшем во время тренировочного марша]. Мы объяснили ему обстоятельства гибели его пасынка, и это как будто его успокоило. Авангард не понял как следует полученные им указания и направился дальше по дороге, всполошив псов, которые долго и громко лаяли.

С утра начались ошибки. Роландо, Мигель и Антонио пошли на разведку, чтобы выбрать место для засады. Тем временем мы отступили в горы. Разведчики захватили человека, приехавшего на пикапе, принадлежащем ИПФБ [Боливийская государственная нефтяная компания — Ясимьентос петролиферос фискалес боливианос]. Он рассматривал оставленные нами следы и беседовал с крестьянином, который как раз говорил ему о нашем появлении здесь минувшей ночью. Наши захватили их обоих. Это нарушило наши планы. И все же было решено устроить на весь день засаду и останавливать все грузовики с грузами, которые будут проходить мимо по дороге, а также напасть на солдат, если они появятся. Остановили грузовик с некоторыми товарами и большим грузом бананов, а также задержали многих крестьян. Но некоторых из них наши отпустили, в том числе и некоторых из тех, кто исследовал наши следы, а также упустили несколько грузовичков государственной-нефтяной компании. Обед, который мы решили на этот раз устроить с хлебом, все время пришлось откладывать, хотя мы ожидали его с вожделением.

Я намеревался загрузить один из грузовиков, принадлежащих компании, продуктами и направить авангард до перекрестка с дорогой из Тикучи, расположенного в четырех километрах. К вечеру над нашими позициями стал кружить самолет. Лай псов в близлежащих домах стал более настойчивым. В восемь часов мы собрались уходить, хотя все свидетельствовало о том, что противник установил наше местонахождение. Но в этот момент вспыхнул бой, который длился недолго. Затем послышались голоса, требовавшие, чтобы мы сдались. Для нас нападение было совершенно неожиданным, и я не имел представления о том, что происходит. К счастью, наши пожитки и кое-какие товары уже были погружены на грузовик. Вскоре мы восстановили порядок. Не хватало только Лоро. Но, судя по всему, с ним ничего особенного не произошло, так как бой принял Рикардо. Он увидел проводника с солдатами, когда тот огибал холм у дороги. Возможно, он ранил или убил проводника.

Мы выехали на грузовике и прихватили с собой всех наших лошадей, которых теперь стало шесть. Наконец все наши люди оказались в кузове, исключая бойцов авангарда, которые передвигались верхом. В полчетвертого мы очутились в Тикуче, а в полседьмого — на постоялом дворе, принадлежащем местному священнику. До этого мы, правда, завязли в какой-то яме.

Итоги боя отрицательны для нас. Он показал нашу недисциплинированность и нечеткость наших действий. Потеряли одного человека, хотя, надеемся, временно. Лишились большого количества товаров, за которые уже уплатили. И, наконец, я выронил пачку долларов, которые хранил в сумке Помбо. Я уж не говорю о том, что на нас неожиданно напал и заставил отступить отряд, который наверняка по численности был небольшим. Придется еще много поработать, чтобы наш отряд превратился в боевую силу, хотя сейчас моральный дух бойцов высок.

Объявлен день отдыха. В течение дня не было никаких новостей. В полдень самолет «АТ-6» совершил несколько кругов над нашей зоной. Мы усилили сторожевые посты, но все обошлось благополучно. Вечером были даны указания на завтра. Бениньо и Анисето пойдут на поиски Хоакина. На это им дается четыре дня. Коко и Камба разведают тропу в сторону Рио-Гранде и расчистят ее, чтобы по ней можно было пройти. На это им также дано четыре дня. Мы будем оставаться здесь, у маисового поля, в ожидании подхода подразделений армий и до того момента, когда к нам присоединится Хоакин. Он получил указание прийти сюда со всеми товарищами и оставить там только тех больных, которые входят в группу подонков.

До сих пор ничего не известно о Дантоне, Пеладо и английском журналисте. Объявлена цензура печати, но сообщили о новом столкновении с партизанами, в ходе которого якобы были взяты в плен три-пять наших бойцов.

Разведчики ушли. Мы расположились километром выше по ручью на небольшом холме. Оттуда просматриваются все окрестности вплоть до последнего крестьянского дома. Крестьянин заявился к нам опять и проявил явное любопытство. Вечером один «АТ-6» обстрелял из пулеметов домик. Пачо куда-то таинственным образом исчез. До этого он почувствовал себя плохо и отстал. Антонио показал ему дорогу, по которой Пачо должен был добраться за пять часов до нашего места. Но он так и не вернулся. Завтра пошлем людей на поиски.

Очень плохой день. Часов в десять утра с наблюдательного пункта пришел Помбо и сообщил, что тридцать солдат наступают на домик. Антонио остался на пункте. Пока мы готовились к бою, он пришел и сказал, что на самом деле продвигаются шестьдесят солдат, и они продолжают наступать. Наблюдательный пункт явно не справлялся со своей задачей заранее предупреждать об опасности.

Мы решили устроить импровизированную засаду на дороге, ведущей к нашему лагерю. Впопыхах вырыли неглубокую траншею вдоль ручья, из которой просматривалась полоса в пятьдесят метров. Я расположился там с Урбано и Мигелем, вооруженный автоматической винтовкой. Врач, Артуро и Рауль расположились на позициях справа, чтобы не дать противнику возможности бежать или продвинуться по этому краю. Роландо, Помбо, Антонио, Рикардо, Хулио, Паблито, Дарио, Вилли, Луис, Леон заняли боковые позиции на другой стороне ручья, чтобы открыть огонь по солдатам с фланга. Инти остался у русла ручья, чтобы стрелять по тем, кто попытается скрыться в этом месте. Ньято и Эустакио были посланы вперед для наблюдения с приказанием вернуться, как только огонь будет открыт. Чино оставался у нас в тылу, охраняя лагерь. Мои и без того скудные войска, к сожалению, были ослаблены отсутствием трех человек: Пачо, который потерялся, и Тумы с Луисом, ушедшими на поиски.

Вскоре появился авангард противника, который, к нашему удивлению, состоял из трех немецких овчарок с проводником. Собаки нервничали, но, как мне кажется, нас не обнаружили. Тем не менее они продолжали двигаться вперед, и я выстрелил по первой из них, но промахнулся. Когда я хотел выстрелить по проводнику, мою винтовку «М-1» заело. Мигель убил вторую собаку, я это видел, но не был уверен. Больше в сферу нашего огня никто не вошел. С фланга наступающих солдат началась непрерывная стрельба. Когда наступил перерыв в стрельбе, я велел Урбано передать всем мой приказ об отходе. Но он вернулся с сообщением о том, что Роландо ранен. Вскоре его перенесли к нам уже обескровленного. Он умер, когда мы начали делать ему переливание крови. Он изошел кровью прежде, чем мы смогли оказать ему помощь. Мы потеряли лучшего бойца партизанского отряда и одного из его столпов, моего товарища с тех времен, когда он, еще подросток, был посыльным четвертой колонны [Сьерра-Маэстра на Кубе]. Он участвовал вместе со мной в рейде по Кубе и теперь стал моим товарищем по этому революционному предприятию. О смерти его в этой мрачной обстановке можно сказать, если только в будущем эти слова кто-то сможет прочитать: «Ты был маленьким смелым солдатом. Но после смерти ты стал великим и вечным, как сталь».

Концом операции стал медленный наш отход, в ходе которого нам удалось унести все наши вещи и труп Роландо (Сан-Луиса). Пачо присоединился к нам позже. Он заблудился, но встретился с Коко и потратил всю ночь на возвращение. В три часа мы похоронили убитого, покрыв его тонким слоем земли. В четыре часа вернулись Бениньо и Анисето, сообщив, что они попали в засаду, — а вернее, это было случайное столкновение. Во время стычки с солдатами они потеряли свои рюкзаки, но выбрались целыми и невредимыми. Это произошло в тот момент, когда, по расчетам Бениньо, им оставалось пройти совсем немного до Ньянкауасу. Сейчас оба естественных выхода отсюда блокированы, и нам придется уходить через горы, так как идти через Рио-Гранде нет смысла. Для этого есть две причины: во-первых, это естественный проход, а во-вторых, мы удалимся от Хоакина, от которого не имеем никаких новостей. Ночью мы вышли к перекрестку двух дорог — вдоль Ньянкауасу и вдоль Рио-Гранде. Здесь мы переночевали и подождали Коко и Камбу, чтобы собрать всех бойцов. Итог операции абсолютно отрицательный. Погиб Роландо. Но дело не только в этом. Потери, которые понесла армия, в лучшем случае составляют два человека и одну овчарку. Это объясняется тем, что местность была нами плохо изучена и наспех подготовлена, стрелки не видели противника. Наконец, наружное наблюдение было очень плохим, что помешало нам заранее подготовиться к бою.

Около домика священника два раза опускался армейский вертолет. Может быть, они забирали какого-нибудь своего раненого. Авиация бомбила наши старые позиции. Это говорит о том, что армия не стала продвигаться дальше.

Мы прошли совсем немного, и я послал Мигеля разыскать Коко, а Камбу — подыскать место для стоянки. Пока решили дожидаться Коко и Камбу. Но в полдень они оба объявились…

…Мы прошли через места, где много деревьев с кислыми апельсинами. Места эти на карте обозначены как Масико. Урбано и Бениньо продолжили расчистку тропы и приготовили нам дорогу еще на час. Ночью было очень холодно.

Боливийские радиостанции передают армейские коммюнике, в которых сообщается, что убит вольнонаемный проводник, инструктор служебных собак, а также овчарка Молния. С нашей стороны, по их утверждениям, имеется двое убитых: один кубинец по кличке Рубио, как они предполагают, и один боливиец. Сообщают также, что Дантон находится в заключении вблизи от Камири. Это наверняка означает, что остальные двое также живы и находятся вместе с ним.

Медленно продвигались до трех часов…

Опять разведывали ущелья, которые заметили накануне. Но это ничего нам не дало. Там, где мы сейчас находимся, не видно боковых расщелин. Коко показалось, что он видел поперечный каньон, но он не стал его осматривать. Завтра попытаем счастья все вместе.

С большим запозданием расшифровано послание № 35, в котором меня, в частности, просят поставить свою подпись под воззванием солидарности с Вьетнамом. Первая подпись Бертрана

Рассела.

Начали восхождение по склону. То, что показалось нам каньоном, скоро окончилось тупиком. Но вдоль стенки шел карниз, по которому нам удалось подняться. Ночь застала нас близко от вершины, и мы заночевали там, не особенно, впрочем, пострадав от холода.

Гаванское радио передает сообщения чилийских журналистов о том, что партизанское движение в Боливии обрело силу, создающую серьезное положение в городах. Недавно партизаны, как утверждает Гавана, захватили два военных грузовика, доверху наполненных продуктами. Журнал «Сьемпре» добился от Баррьентоса интервью. Тот, помимо других вещей, признал, что в стране действуют военные советники янки и что партизанское движение возникло в результате социальных условий в Боливии.

Анализ месяца

Дела идут более или менее нормально, хотя нам пришлось оплакать гибель двух наших бойцов: Рубио и Роландо. Потеря последнего была особенно суровым ударом для нас, так как я собирался поставить его во главе второго фронта [самостоятельного района партизанских действий]. Мы провели еще четыре боя. Все они в целом дали хорошие результаты, а один из них даже очень хорошие — это та засада, в ходе которой погиб Рубио.

С другой стороны, мы по-прежнему полностью изолированы. Болезни подорвали здоровье некоторых товарищей, заставили разделить наши силы, что лишило нас многих возможностей. Мы все еще не установили контакта с группой Хоакина. Поддержки от крестьян не получаем, хотя кажется, что при помощи преднамеренного террора нам удалось нейтрализовать среди них наиболее враждебно настроенных к нам. Со временем они поддержат нас. К нам не примкнул ни один человек, и, кроме двух убитых, мы потеряли также Лоро, исчезнувшего после боя в Таперильясе.

По поводу стратегии армии можно сделать следующие выводы: а) захват ею ключевых пунктов до сих пор не дал полного результата, и, хотя это стесняет нас, все же не мешает нам передвигаться, так как армия мало мобильна и явно слаба; кроме того, после последней засады против солдат с овчарками можно ожидать, что армия будет остерегаться входить в горы; б) пропагандистская кампания продолжается, но теперь с обеих сторон, и после опубликования в Гаване моей статьи едва ли у кого есть сомнения в том, что я нахожусь здесь.

Можно смело утверждать, что североамериканцы решительно вмешаются в боливийские дела. Они уже посылают вертолеты и, кажется, «зеленые береты», хотя мы их сами пока не видели; в) армия — по крайней мере одна или две ее роты, — стала действовать лучше: захватила нас врасплох в Таперильясе и не потеряла присутствия духа в Месоне; г) мобилизация крестьян армией мало что дает, исключая разведывательную работу, которая нам несколько мешает. Но донесения крестьян недостаточно быстры и эффективны. Со временем нам удастся покончить с этим явлением.

Статус Чино изменился. Теперь он будет нашим бойцом до образования второго или третьего фронта. Дантон и Карлос стали жертвами собственной спешки, почти отчаянного желания выбраться, а также моего недостаточного сопротивления их планам. Таким образом, прерывается связь с Кубой (Дантон), и мы потеряли разработанную нами схему борьбы в Аргентине (Карлос).

В итоге: это был месяц, в течение которого все развивалось в пределах нормы, принимая во внимание случайности, неизбежные в ходе партизанской войны. Моральный дух всех тех бойцов, что успешно прошли предварительный экзамен на звание партизана, на высоте.

Отметили праздник, расчищая тропу. Но прошли очень мало. Мы еще не добрались до водораздела. В Гаване выступил Альмейда, символически протянувший руку мне и знаменитым боливийским партизанам. Речь его была несколько затянутой, но в целом неплохой. Еды у нас осталось — при минимальном расходе — на три дня. Сегодня Ньято убил из пращи какую-то птицу. Вступаем в птичий век.

Шли медленно, так как не могли никак установить свое местоположение на карте. Практически шли только два часа, поскольку расчищать тропу было трудно. С одной из вершин узнал места, близкие к Ньянкауасу, и установил, что мы находимся далеко на севере от нее. И все же мы так и не нашли Икири. Приказал Мигелю и Бениньо прорубать тропу в течение всего дня, чтобы добраться до Икири или по крайней мере до какой-нибудь воды, которой у нас нет. Еды теперь хватит на пять дней, но порции будут очень скудные.

Гаванское радио продолжает свою наступательную кампанию по поводу событий в Боливии, давая явно преувеличенные сообщения. Высота: достигли 1760 метров, ночевали на высоте 1730 метров…

Май

Наиболее отрицательными моментами является невозможность установить контакт с Хоакином, хотя мы постоянно бродим по горам. Судя по всему, он со своим отрядом направился куда-то на север.

С точки зрения военной надо отметить три новых боя, в ходе которых мы нанесли армии потери, не потеряв сами ни одного человека, а также захват нами Пириренды и Карагуатаренды. Эти операции были успешными. Служебные собаки уже не используются против нас: это признано нецелесообразным.

Наиболее важные особенности минувшего месяца следующие:

1) полное отсутствие контактов с Манилой, Ла-Пасом и Хоакином, вследствие чего в нашей группе осталось только 25 человек;

2) полное отсутствие притока крестьян в наши ряды, хотя они понемногу перестают нас бояться и мы вызываем у них восхищение. Это медленная работа, требующая большого терпения;

3) партия предлагает свою помощь через Колье, и на этот раз, кажется, без условий;

4) шумиха вокруг дела Дебре создала вокруг нашего движения больше рекламы, чем десять выигранных нами боев;

5) партизанскому движению присущ высокий моральный дух, уверенность в своих силах. Если руководство будет осуществляться правильно, оно добьется успеха;

6) армия по-прежнему мало организована и ее действия не стали намного эффективней.

Главная новость месяца: пленение Лоро и его бегство. Он должен теперь присоединиться к нам или отправиться в Ла-Пас, чтобы там выйти на связь.

Армия сообщила об аресте в зоне Масикури всех крестьян, оказавших нам помощь. Начался этап террора, который будет давить на крестьян с обеих сторон, хотя и с различными целями. Наши победы будут тем качественным изменением, которое требуется для скачка в развитии крестьянских симпатий по отношению к нам.

Июнь

Наиболее отрицательными моментами являются: невозможность установить контакт с Хоакином и постепенная потеря людей. Каждая потеря, хотя армия об этом не знает, равносильна серьезному поражению. За месяц мы провели два незначительных боя. Как признает сама армия, ее потери составляют четыре человека убитыми и три ранеными.

Наиболее важные особенности месяца следующие:

1) полное отсутствие контактов, в результате чего нас осталось теперь только 24, причем Помбо ранен и наша подвижность ограничена;

2) крестьяне по-прежнему не присоединяются к нам. Создается порочный круг: чтобы набрать новых людей, нам нужно постоянно действовать в более населенном районе, а для этого нам нужно больше людей;

3) легенда о партизанах растет, словно волна, мы теперь кажемся непобедимыми суперменами;

4) отсутствие контактов распространяется также на партию, хотя мы сделали через Паулино попытку, которая, может быть, даст желаемый результат;

5) вокруг Дебре продолжается большая шумиха, но теперь его имя связывают с моим, а меня называют руководителем движения. Посмотрим, будет ли нам на пользу или нет такая новая постановка вопроса правительством [Боливии];

6) моральный дух партизан на высоте, и их решимость бороться растет. Все кубинцы стали примером в боях, и только два или три боливийца выглядят слабо;

7) армия с военной точки зрения действует малоэффективно, однако она ведет работу среди крестьян, которую мы не можем недооценивать, так как при помощи страха или лжи относительно наших целей она вербует среди местных жителей доносчиков;

8) кровавая расправа на рудниках сделала более ясной для нас панораму, и, если наше воззвание будет распространено среди шахтеров, оно станет очень важным фактором.

Наиболее срочная задача: установить контакт с Ла-Пасом и пополнить наши запасы оружия, боеприпасов и медикаментов, а также добиться присоединения к нам 50–100 человек в городах, даже если за их счет количество бойцов в нашем отряде увеличится только на 10–25 человек.

Июль

Продолжают действовать те же отрицательные моменты, что и в прошлом месяце: невозможность установления контактов с Хоакином и с нашими друзьями, а также потери в личном составе. Теперь нас уже только 22, включая двух лежачих больных, в том числе и меня. Это ограничивает нашу подвижность. Мы провели три боя, а также захватили Сумаипата. Армия потеряла при этом семь человек убитыми и десять ранеными, если исходить из путаных армейских коммюнике. Мы же потеряли двух человек, и один наш боец ранен. Наиболее важные особенности месяца таковы:

1) продолжающееся полное отсутствие контактов;

2) крестьяне по-прежнему не вступают в отряд, хотя имеются некоторые ободряющие признаки; наши старые знакомые среди крестьян принимали нас хорошо;

3) легенда о партизанах распространяется по континенту. Онганиа перекрыл границу, а Перу принимает меры предосторожности;

4) попытка установить контакт через Паулино потерпела неудачу;

5) моральный дух и боевой опыт партизан растет от боя к бою. Слабо выглядят Камба и Чапако;

6) армия ведет свои действия неудачно, но некоторые ее подразделения стали более боевыми;

7) в правительстве [Боливии] углубляется политический кризис, но Соединенные Штаты предоставляют ему небольшие займы, которые по боливийским масштабам весьма значительны. Это несколько умеряет недовольство.

Наиболее важные задачи: восстановить контакты, набрать новых бойцов, достать медикаменты.

Август

Это был, безусловно, самый тяжелый месяц, который мы пережили с того момента, как начали вооруженные действия. Обнаружение армией всех наших тайников с документами и медикаментами явилось для нас очень тяжелым ударом, особенно с психологической точки зрения. Потеря двух бойцов и последовавшие за этим трудные переходы, во время которых мы держались только за счет конины, деморализовало людей. Дело дошло до того, что Камба ставит вопрос об уходе из отряда. Мы бы от этого только выиграли, но не при данных обстоятельствах. Отрицательно сказывается на моральном духе бойцов и отсутствие контактов с Хоакином, а также тот факт, что пленные из его отряда выдали армии все, что знали. Моя болезнь также посеяла среди многих неуверенность, и все это сказалось на единственном нашем бое, в котором мы могли нанести армии серьезные потери, но только ранили одного солдата. С другой стороны, трудные переходы по горам без воды выявили некоторые отрицательные человеческие черты у бойцов.

Наиболее важные характеристики:

1) мы по-прежнему лишены каких бы то ни было контактов и не имеем надежды установить их в ближайшем будущем;

2) крестьяне по-прежнему не присоединяются к нам. Это естественно, принимая во внимание тот факт, что в последнее время мы мало встречались с ними;

3) в отряде наблюдается упадок духа, но, надеюсь, это временное явление;

4) армия не действует более эффективно и напористо. Мы переживаем момент упадка нашего боевого духа. Легенда о партизанах также тускнеет. Наиболее важные задачи — те же, что и в прошлом месяце: восстановить контакты, увеличить свои ряды за счет новых бойцов, обеспечить себя медикаментами и оружием.

Надо указать, что Инти и Коко все более проявляют себя как твердые и боевые революционные кадры.

Разгром. Мы пришли на рассвете в Пикачо. Там все отмечали праздник. Это самый высоко расположенный пункт, которого мы достигли — 2280 метров. Крестьяне очень хорошо встретили нас. Мы продолжили свой путь без всякого страха, хотя Овандо накануне заявил, что я вот-вот буду захвачен. Когда мы дошли до Игераса, то почувствовали, что все вокруг как-то переменилось. Все мужчины куда-то исчезли, и мы только изредка встречали женщин. Коко направился в дом телеграфиста, в котором есть телефон. Возвратясь, он сообщил, что 22-го числа помощник префекта Валье-Гранде передал коррехидору, что в этой зоне появились парти заны. Местным властям было приказано незамедлительно сообщать о нашем появлении в Валье-Гранде, где оплатят все расходы. Телеграфист куда-то сбежал, но его жена сказала, что сегодня по телеграфу ничего не передавалось, так как в ближайшем селении — Хагуэй — все веселятся по случаю праздника.

В час дня наш авангард вышел на Хагуэй, чтобы там отделаться от мулов и решить судьбу Врача. Вскоре после этого я допрашивал единственного мужчину, обнаруженного в поселке. Он был очень напуган. Затем в поселке появился еще один мужчина — торговец кока-колой. Он сказал, что пришел из Валье-Гранде через Пукару и ничего не видел. Когда я стал подниматься на вершину горы — это было примерно в полвторого — по всему склону холма зазвучали выстрелы. Мы попали в засаду. Я организовал оборону в селении, чтобы подождать тех, кто уцелеет в этом бою, и велел отходить затем по дороге, ведущей в Валье-Гранде. Через несколько минут появился Бениньо. Он был ранен. Затем пришли Анисето и Паблито, которому пуля угодила в ногу. Они сказали, что Мигель, Коко и Хулио убиты, а Камба пропал, бросив свой рюкзак. После этого авангард пошел по намеченной нами дороге. За ним двинулись мы, ведя с собой двух мулов. Арьергард прикрывал наш отход, стреляя по приблизившимся вплотную солдатам. Инти потерял с нами связь. Мы подождали его полчаса, устроив небольшую засаду против солдат, которые продолжали обстреливать нас со склона. Затем Инти присоединился к нам. В этот момент мы заметили, что Леон исчез. Инти сообщил, что он видел его убегающим по каньону без рюкзака. Мы тоже видели человека, быстро идущего по каньону, и решили, что это был Леон. Чтобы сбить солдат с толку, мы пустили вниз по каньону мулов, а сами пошли дальше по узкой расщелине, в конце которой нашли горькую воду. В двенадцать часов заснули, так как не могли идти дальше.

В четыре часа утра мы двинулись дальше, продолжая искать место, по которому можно было бы подняться в гору.

В семь часов мы такое место нашли. Но нам пришлось взбираться не по той стороне, по которой собирались вначале, а по противоположной. Прямо перед нами был безлесный склон, который показался нам безопасным. Мы прошли его и поднялись еще выше, чтобы спрятаться от самолетов. Так мы достигли редкого лесочка. Через него проходит тропинка, но в течение всего дня на ней никто не появлялся. Под вечер до середины склона поднялись солдат с крестьянином. Но они не

увидели нас. Анисето ходил на разведку и видел солдат в домике, расположенном неподалеку. Путь мимо этого дома — наиболее легкий для нас, но теперь он тоже перерезан. Утром мы видели, как по ближайшему склону поднималась колонна солдат. Солнце отсвечивало на их оружии. Затем, в полдень, мы услышали одиночные выстрелы, несколько очередей, и после этого крики: «Вот он!», «Выходи отсюда!», «Ты выйдешь или нет!» Все время звучали выстрелы. Мы так и не знаем, что там произошло, но предполагаем, что это мог быть Камба…

По радио мы передали, что у нас был бой с ротой «Галиндо» и мы потеряли трех человек, которых перевезут в Валье-Гранде для опознания. Судя по всему, Камбу и Леона так и не поймали. На этот раз наши потери очень велики. Наиболее чувствительный удар — это потеря Коко, но Мигель и Хулио тоже были прекрасными бойцами. Ценность этих трех товарищей для нас очень велика. Леон тоже был неплох.

Высота над уровнем моря — 1400 м.

День, полный горечи. Несколько раз нам даже казалось, что это наш последний день. Утром принесли воду, а затем Инти и Вилли сразу ушли разведать спуск по каньону. Но они тут же вернулись, и сказали, что вдоль всего соседнего склона тянется тропинка, по которой на их глазах проезжал крестьянин на лошади. В десять часов мимо нас прошли 46 солдат в полной походной выкладке. Казалось, прошла вечность, прежде чем они исчезли. В двенадцать появилась новая группа солдат, на этот раз их было 77 человек. В довершение всех бед, как раз в этот момент прозвучал чей-то выстрел. Солдаты тут же залегли, а офицер распорядился провести разведку в ущелье, где мы находились. Но затем он вел переговоры по полевой рации, все как будто уладилось, и солдаты ушли. Если нас атакуют здесь сверху, мы не сможем обороняться. Если нас обнаружат, практически нам некуда отступать. Позже прошел еще солдат со служебной собакой. Пес явно устал, и солдат все время тянул его за повод, чтобы тот шел вперед. Затем прошел еще один отставший солдат. Крестьянин на лошади также вернулся, и больше мы никого не видели. Но чувство, которое мы испытали, когда прозвучал выстрел, было очень сильным, и мы продолжали оставаться под его впечатлением. Все солдаты шли с ранцами. Создается впечатление поэтому, что они отходят. В домике ночью огней не было видно, однако там, как всегда перед наступлением темноты, прозвучал сигнальный залп. Завтра весь день будем наблюдать за этим ранчо. Мы слегка промокли под дождем. Но он был не настолько силен, чтобы уничтожить оставленные нами следы.

Радио передало, что Коко опознан. Потом передали что-то невнятное насчет Хулио. Мигеля они путают с Антонио. Данные, которые передавала Манила, вначале сообщили, что я убит. Но затем это сообщение было опровергнуто.

Еще один напряженный день. Разведчики Инти и Анисето ушли рано утром, чтобы в течение всего дня следить за домом. С самого утра по дороге началось движение. В полдень по ней проходили в обоих направлениях солдаты без ранцев. Некоторые из них вели снизу ненагруженных осликов. Вниз они спускались уже с грузом. В 18.15 пришел Инти и сообщил, что шестнадцать солдат спустились и скрылись в густом кустарнике. Больше наши разведчики их не видели. Осликов, видимо, нагружали внизу. Судя по этим сообщениям, нам не следовало идти по этой дороге — хотя это наиболее легкая и естественная для нас, — так как не исключено, что внизу устроена засада. В любом случае, в доме есть собаки и они могут выдать лаем наше присутствие…

Еще один напряженный день. Утром чилийская радиостанция «Бальмаседа» сообщила, что высокопоставленные представители армии [боливийской] заявили: Че Гевара окружен в ущелье в джунглях. Местные радиостанции молчат. Не исключено, что нас кто-то предал, и армия уверена в том, что мы находимся в этой зоне. Вскоре началось хождение солдат в ту и в другую сторону. В двенадцать часов прошло 40 солдат, разбитых на несколько групп, с оружием наизготовку. Они пришли в домик, выбранный ими для стоянки, и выставили посты…

Анализ месяца

Этот месяц должен был стать месяцем восстановления наших сил и почти стал им, если бы не засада, в которой погибли Мигель, Коко и Хулио. Это все испортило. Кроме того, мы очутились в опасном положении, потеряв также Леона. Что касается Камбы, то с его уходом мы явно выиграли.

За это время у нас было несколько незначительных боев, в которых мы убили одну лошадь, убили одного солдата и ранили другого. Урбано вел перестрелку с каким-то армейским дозором. И, наконец, последовала злополучная засада в Игерас. Мы бросили наших мулов и, надеюсь, что подобного рода животные нам не понадобятся, если только меня не начнет снова мучить астма.

С другой стороны, некоторые из сообщений о гибели бойцов другой группы, которая, кажется, ликвидирована, как будто верны. Правда, не исключено, что где-то бродит небольшая группа партизан, оставшихся в живых и избегающих столкновения с армией. Возможно, что сообщение о гибели всех семи бойцов той группы лживо или по крайней мере преувеличено.

Месяц этот напоминает по своим чертам предыдущий, но сейчас армия явно показывает большую эффективность в своих действиях, а крестьянская масса ни в чем нам не помогает, крестьяне становятся предателями.

Наиболее важная задача — уйти отсюда и искать более благоприятные зоны. Кроме того, надо наладить контакты, хотя весь наш аппарат в Ла-Пасе разрушен и там нам также нанесли тяжелые удары. Моральный дух большинства оставшихся у меня людей довольно высок. Я питаю только некоторые сомнения по поводу Вилли. Не исключено, что при первой же стычке с армией он попытается скрыться, если с ним не поговорить предварительно.

Высота над уровнем моря — 1600 м. Первый день этого месяца прошел спокойно. Утром мы добрались до редкого лесочка, где разбили лагерь, выставив у всех подходов сторожевые посты. По каньону, по которому мы собирались пройти, прошли 40 солдат. Удаляясь, они стреляли в воздух. В два часа мы слышали последние выстрелы. В домиках как будто никого нет, хотя Урбано видел пять солдат, которые так никуда и не ушли…

За весь день мы так и не видели солдат, но рядом прошло стадо коз, которых охраняли сторожевые собаки. Они залаяли на нас. Мы решили пройти густым кустарником, который ближе всего подходит к каньону. В шесть часов вечера начали спускаться, чтобы успеть удобно расположиться на ночлег и поужинать, но Ньято потерялся и стало уже темно, чтобы продолжать путь. Мы решили вернуться, но заблудились и всю ночь не спали, не имея возможности приготовить ужин, страдая от жажды…

День тянулся очень долго и был очень напряжен, хотя для этого не было особых причин. Когда мы собрались возвращаться в наш предыдущий лагерь, прибыл Урбано и сказал, что проходившие мимо него крестьяне говорили: «Это те самые, что вчера ночью громко разговаривали». Урбано считает, что они слышали нас вчера, когда мы совершали свой переход. Это сообщение показалось мне не очень достоверным, но я все же решил сделать вид, что верю ему, и мы, так и не утолив жажду, стали подниматься по склону, с которого видна дорога, используемая солдатами…

По радио передали, что взяты в плен два партизана: Антонио Домингес Флорес (Леон) и Орландо Хименес Басан (Камба). Первый из них признал, что участвовал в боях с армией, второй сказал, что сдался в плен, поверив в слово президента. Оба дали обильную информацию о Фернандо, его болезни и всем остальном, не говоря уже о том, что они сказали такое, о чем официально не сообщается. Так завершается история двух героических партизан.

Отдохнув в ущелье, мы пошли по нему и через полчаса стали спускаться, выйдя к другому ущелью, связанному с первым. Мы поднялись по нему, отдохнули до трех часов дня, пока солнце не село. Тогда мы снова пустились в путь и шли еще полчаса…

Радио передало, что штаб 4-й дивизии перенесен из Лагунильяса в Падилью, чтобы быть ближе к зоне, через которую, как считает армия, партизаны могут попытаться уйти от преследования. Кроме того, было заявлено, что, если меня схватят солдаты 4-й дивизии, судить меня будут в Камири, а если это удастся сделать солдатам 8-й дивизии — то в Санта-Крусе. Высота над уровнем моря — 1650 метров.

В начале перехода шли с большим трудом. В 5.15 утра сошли с тропинки для скота и углубились в лесок — не очень густой, но скрывавший нас от нескромных взглядов. Бениньо и Пачо ушли на разведку, пытаясь найти воду. Они безуспешно искали ее около ближнего домика. Возможно, вода где-то рядом в колодце. Когда они закончили разведку, то увидели шестерых солдат, пришедших в домик. Видимо, те зашли туда по пути. Мы вышли под вечер, так и не сумев попить. Люди очень устали от жажды, а Эустакио даже устроил позорную сцену. Он плакал, так как хотел пить. После очень трудного перехода мы на рассвете пришли в лесок, из которого слышен был лай собак, находившихся неподалеку. Отсюда видна высокая гора и очень близко от нас — безлесный холм.

Подлечил Бениньо, у которого немного нагноилась рана, а Врачу я сделал инъекцию. Бениньо ночью жаловался на боль в ране, которую я обработал.

Радио сообщило, что оба наши камбы перевезены в Камири, где они будут выступать свидетелями по делу Дебре.

Высота над уровнем моря — 2000 метров.

Разведка выяснила, что недалеко от нас есть дом, а за ним в ущелье вода. Мы пошли туда и весь день готовили еду под большим деревом, крона которого служила нам крышей. Я весь день чувствовал себя неспокойно, так как мы при свете дня появились в довольно населенных местах и расположились в котловине. Мы затратили много времени на приготовление обеда и поэтому смогли выступить лишь на рассвете. Решили пойти к ручью, расположенному поблизости от обнаруженного нами источника. Оттуда мы собираемся провести более тщательную разведку, чтобы наметить дальнейший путь…

Радиостанция «Южный крест» сообщила об интервью с обоими камбами. Орландо как будто стал менее говорлив. Чилийское радио передало, что в Боливии введена цензура, но сообщило, что в этой зоне нас разыскивают 1800 солдат.

Одиннадцать месяцев со дня нашего появления в Ньянкауасу. День прошел без всяких осложнений, почти идиллически. Все было тихо до полпервого, когда в ущелье, в котором мы разбили лагерь, появилась старуха, пасшая своих коз. Нам пришлось задержать ее. Она ничего внятного о солдатах не сказала, отвечая на все наши вопросы, что ни о чем не знает, что она уже давно в этих местах не появлялась. Она смогла рассказать нам только про дороги. Из ее слов явствует, что мы находимся примерно в одной лиге от Игераса и Хагуэя и в двух лигах от Пукары. В полшестого Инти, Анисето и Паблито отправились в хижину к старухе, у которой одна дочь психически больная, а другая почти карлица. Старухе дали 50 песо и сказали, чтобы она никому ни слова о нас не говорила. Но мы мало надеемся на то, что она сдержит свое обещание. В пять часов мы вышли в путь. Луна еле светила, и переход был очень утомительным. Мы оставили много следов, идя по каньону, в котором не было домов, но были посевы картофеля. Их поливают водой из канав, отходящих от ручья, рядом с которым мы располагались до этого. В два часа ночи мы решили отдохнуть, но потом сочли бессмысленным продолжать наш путь. При ночных переходах Чино превращается в настоящую обузу.

Армия передала странное сообщение о том, что в Серрано расположились 250 солдат, преграждающих путь окруженным 37 партизанам, и что мы находимся между реками Асеро и Оро. Новость эта выглядит забавно…

[На этой записи, сделанной 7 октября 1967 года, дневник Эрнесто Гевары обрывается. В этот момент ущелье Эль-Юро, поросшее лесом и окруженное безлесными вершинами, было обложено «рейнджерами». 8 октября Гевара был ранен в ноги и взят в плен.

По поводу дальнейшей судьбы Эрнесто Гевары существует много противоречивых версий. Однако из них со всей очевидностью вытекает, что на другой день — 9 октября — он был убит автоматной очередью в упор. Об этом свидетельствует свежая рана в сердце, которая, как констатировал местный врач Хосе Мартинес Касо, появилась сутки спустя после того, как Гевара получил ранения в ноги. По одним источникам, его убил по приказу полковника Андреев Селнича и майора Мигеля Айороа унтер-офицер Марио Теран. По другим данным, убийцей был агент ЦРУ Рамос, кубинец по национальности.]

Примечания

1

В дальнейшем в дневнике фигурирует также под именем Пачо.

2

Он же Тума.

3

Он же Лоро и Хорхе.

4

Он же Эстанислао, Негро и Марио

5

Манила — условное название Гаваны для связи с отрядом Гевары.

6

Он же Оло

7

Он же Вило.

8

Имеется в виду боливиец Мойсес Гевара.

9

Он же Пол

10

Он же Морогоро, Муганга и Врач.

11

Выходцы из восточной части Боливии.

12

Он же Рубио.

13

Он же Иван — кубинец, связной Гевары, поддерживавший связь с Гаваной.

14

Аргентинка немецкого происхождения — связная Гевары.

15

Вид рыбы — у нее острые усы.

16

Он же Ренан.

17

Этот день на Кубе празднуется как «социалистическое рождество».

18

Он же Педро.

19

Один из руководителей партизанского движения в Венесуэле, исключенный из ЦК компартии этой страны за фракционную деятельность.).

20

Генеральный секретарь Компартии Аргентины.

21

Гондолами в Боливии обычно называют автобусы. Но в данном случае партизаны называют так экспедиции, которые обеспечивали отряд провиантом и другими необходимыми для жизни вещами.

22

Врач — не путать с кубинским врачом Моро. Речь идет о перуанце из группы Чино, который присоединился позже к отряду вместе с перуанским радистом.

23

Кечуа — язык индейцев одноименного племени. Вместе с индейцами других племен, обитающих в этой части континента, составляют подавляющее большинство сельского населения Боливии. Находятся на очень низкой стадии развития. Испанского языка, как правило, не знают.

24

Боро — вид тропической мушки, во время укуса оставляющей под кожей жертвы свои личинки.

25

Чоклос — молодой мягкий маис (кукуруза)

26

Аймара — индейские племена, живущие в центральной части Южной Америки.

27

Хорхе Колье Куэто, секретарь ЦК Коммунистической партии Боливии.

28

Врач Вальтер Пареха Фернандос из Ла-Паса был арестован и брошен в тюрьму после того, как дневник попал в руки боливийских властей.

29

Рио-Гранде-дель-Сур — большая река, не путать с Рио-Гранде-дель-Норте, которая протекает намного севернее, разделяя Мексику и США.

30

Судя по всему, отец Эрнесто Гевары.

31

Староиспанская мера длины; равняется 4 километрам

32

Уминта — хлебцы из кукурузной муки.

33

Так на Кубе называют рубщиков сахарного тростника; в данном случае так называли тех, кто прорубал для отряда тропу в джунглях.

34

Один из руководителей Коммунистической партии Боливии.

35

Он же Дантон — Режи Дебре.

36

Видимо, один из связных, посланных Гаваной. Больше в дневнике не упоминается.

37

Хуан Лечин Окендо — лидер партии Левое национально-революционное движение (ПРИН), один из руководителей горняков, в прошлом занимавший пост вице-президента Боливии.

38

Хильда Гевара Гадеа — дочь Эрнесто Гевары от первой его жены — перуанки Хильды Гадеа, на которой он женился в Мексике, перед отплытием на Кубу на борту «Гранмы». Кроме того, у Эрнесто Гевары еще четверо детей; трое от второй жены, кубинки Алейды Марч.

39

Хосефина сестра Эрнесто Гевары

40

Сын Эрнесто Гевары от второго брака.

41

Тропическое растение, типа тростника.

42

Боливиец, больше в дневнике не упоминается

43

Город в Перу.

44

Аргентинцы.

45

Видная общественная деятельница Аргентины

46

Боливийцы из пополнения, приведенного Мойсесом Геварой. Пако — Хосе Перес — впоследствии оказался предателем.

47

Рене Баррьенгос Ортуньо — боливийский генерал, получивший военное образование в авиационной школе в США. Был вице-президентом Боливии, затем сверг конституционного президента Виктора Паса Эстенссоро в 1964 году. Затем правил страной вместе с нынешним министром вооруженных сил Альфреде Овандо Кандиа. В 1966 году был избран президентом Боливии.

48

Вяленое мясо, высушенное на солнце,

49

Книга Режи Дебре «Революция в революции?», изданная массовым тиражом на Кубе. В этой книге развивается идея о том, что единственной формой борьбы в Латинской Америке должно стать партизанское движение по примеру того, что победило в 1959 году на Кубе, что такое движение должно развиваться группами энтузиастов в сельских районах, ибо борьба в городах, где промышленный пролетариат «обуржуазился», не приведет к успеху, что партийная организация не нужна, ибо в ходе развития партизанских «очагов» будут складываться новые политические организации.

50

Гуарани — индейские племена, живущие в центральной части Южной Америки.

51

В этом дневнике Браулио писал о том, как он 20 ноября 1967 года выехал из Гаваны и через Москву, Прагу, Буэнос-Айрес прибыл в Ла-Пас. Дневник вел также Врач. Его записи тоже попали в руки армии.

52

Хокос и сапальос — тыквы с твердой и мягкой коркой.

53

Лоро так и не присоединился к отряду.

54

Речь идет о статье «Создать один, два, три, много Вьетнамов…».

55

Хуан Альмейда — командующий сухопутными силами кубинской армии, в этот момент замещал министра обороны Рауля Кастро.

56

Случайно встреченный партизанами молодой крестьянин, который обещал им помочь и передать в Ла-Пас их послание.

57

В июне вспыхнули волнения на оловянных рудниках в Оруро и Потоси, армия подавила их.

58

Астмой Гевара страдал с детства. Из-за тяжелых условий и отсутствия медикаментов она постоянно мучила Гевару в Боливии.

59

Альфреде Овандо — командующий вооруженными силами Боливии, второе по значению после президента лицо в этой стране.

60

Местечко, куда впоследствии, 8 октября, был доставлен раненый Эрнесто Гевара. Там же он был убит.

61

Представитель местных властей.

62

Врач в последние недели до этого был болен и стал обузой для постоянно преследуемого партизанского отряда.

63

Группа Хоакина, с которой отряд Гевары потерял контакт еще в мае. Эта группа попала в засаду, устроенную армией, и была уничтожена «рейнджерами» в бою 1 сентября.

64

Рене Барьентос обещал снисхождение партизанам, которые сдадутся в плен.

65

Фернандо (а также Рамоном) называли Эрнесто Гевару.